

4/70
891

НЕ КОПИОВАТЬ

СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ
ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ
ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ,

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ СОВРЕМЕННЫМЪ
И ПРЕДАНІЯМЪ,

ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКАГО.

М. Щербаковъ

ХАРЬКОВЪ.

1846.

Л/70
891

р 1-79
11350

СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ
ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ
ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ,

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ СОВРЕМЕННЫМЪ И ПРЕДАНИЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКАГО.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по определению 1-го Отделения Философского Факультета 17-го Октября
1846 года.

Деканъ, *М. Протопоповъ.*

31476-43

2007098069

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ
АРТЕМОВСКОМУ-ГУЛАКУ

И

ВЯЧЕСЛАВУ ВЯЧЕСЛАВИЧУ

ГАНКЪ,

первымъ своимъ руководителемъ въ изученіи Славянскихъ древностей и нарѣчій,

посвящаетъ

Сочинитель.

ВВЕДЕНИЕ.

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы вполне, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представляли ихъ тотъ, кто имъ вѣровалъ; потому что изучать ихъ мы должны — или изъ сказаній и повѣрствъ, которыми и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, — или изъ преданій народа, мало по малу отстававшаго отъ понятій языческихъ, привычнаго болѣе язычества, и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душахъ человеческой, ея безсмертіи и надеждахъ. — Предположивъ ограничить это изслѣдованіе однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я долженъ оставить въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и мнѣній, съ ними соединенныхъ; могу коснуться вѣрованій только въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древних Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Не смотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бorenіе Славянъ язычникомъ съ Христіанствомъ—бореніе, могшее содѣйствовать скорѣе успѣху тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской, — единобожіе было признаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ, какъ было признаваемо ими въ VI вѣкѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по паслѣію припимавшимъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Проконію Кесарійскому: «Они исповѣдуютъ—говоритъ онъ—единого бога, производителя молніи, господа міра, и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совѣтъ не знаютъ, и не придаютъ ей ни какой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву обѣщанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»¹. Спустя пять столѣтій послѣ Проконія писатель о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія—писалъ онъ—Славяне отличаютъ единого бога на небесахъ, повелѣвающего другимъ, всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ»². Сравнивая оба сказанія, не можемъ не видѣть разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Проконія видимъ единого Бога, хоть и безъ яснаго тѣлеснаго образа, но существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, господомъ неба, всемогущимъ и невидимымъ. И тамъ и здѣсь онъ выше судьбы; но тамъ онъ въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человекомъ, его желаніями и мольбами, а тутъ онъ да-

¹ Проконій, De bello Gothico. III, 14.

² Гельмольдъ, Chronicon Slavorum. I. 24.

лектъ отъ людей, онъ поручилъ земную природу другимъ богамъ, ему покорнымъ, и вѣдасть самъ только небомъ. Тамъ онъ — богъ грома и молніи, Торъ; а здѣсь онъ — Альфадеръ. Такъ-ли различны были въ самомъ дѣлѣ понятія Славянъ о верховномъ богѣ? Такъ-ли могли Славяне идолопоклонники измѣнить свое понятіе о верховномъ богѣ? Едва-ли! Напротивъ, кажется, Прокопій въ изображеніи верховнаго бога Славянскаго смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми изображалъ Гельмольдъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его — господя міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что }
господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно }
отъ Перуна, на это имѣемъ доказательства и въ договорахъ }
Игоря и Святослава съ Греками: въ первомъ изъ нихъ два раза по- }
падаетъ выраженіе: «отъ бога и (ни) отъ Перуна»; во второмъ }
читаемъ: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ }
Перуна и въ Волоса»¹; тамъ отличенъ Богъ боговъ отъ Перуна, }
а здѣсь и отъ Перуна, и отъ Волоса. Впрочемъ какъ Прокопій }
смѣшалъ Верховнаго Бога съ Перуномъ, такъ и Гельмольдъ смѣ- }
шалъ его со Святовидомъ: въ одномъ мѣстѣ онъ назвалъ Свя- }
товида Богомъ боговъ (*Deus deorum*), въ другомъ прочихъ бо- }
говъ въ отношеніи къ Святовиду полубогами (*quasi semidei*)²; }
а между тѣмъ описывалъ Святoviда богомъ, которыйи заботится }
не объ одномъ небесномъ, которому мол.лись и приносили жертвы, }
отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ }
бѣдахъ, словомъ — точно такъ-же, какъ описывалъ Святoviда }
и Саксо грамматикъ³. Конечно, не лѣзя опустить изъ виду этого }
смѣшенія Бога боговъ съ Перуномъ и Святовидомъ, — смѣше- }
нія, показывающаго, какъ высоко были, чтимы эти послѣдніе; }
тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожасмъ и }
отдѣльно, и что понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе

¹ *Исторія* по Лаврент. списку. Полн. Собр. Лѣт. I. Спб. 1846. 23 и 31.

² *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12.

³ *Гельмольдъ*. I, 6. и пр. *Саксо грам.* *Historia Danica*. XIV. (rec. P. Müller. et J. Welschow. Havn. 1839) 823, 826.

къ понятію о Богѣ христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они господа міра, котораго воля правитъ его судьбами, котораго промысль не допускаетъ слѣдовательно никакой случайности, никакой слѣпной судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ¹.

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужичане, прибогами (príbohojo)²; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не все одинаково. Не мудрено, что Славяннѣ слѣпивали ихъ съ тѣлесною природою, что въ своемъ воображеніи населяли ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ³; богомъ вѣтровъ почитали Стрибога⁴; богомъ грома и молніи — Перуна⁵; обожая солнце⁶, бога солнца называли Волюсомъ

¹ Коларъ, Národné Spiěwanky Slowakůw. Budín. 1834. 1. 422. Палковичъ, Böhm. Wörterbuch. Presburg. 1821. II, 1711.

² Свотликъ, Vocabularium Latino-Serbicum. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ слов: idolum и пр.

³ Смотри. I-ю главу, §§ I и II, также Касторскаго, Начертаніе Слав. Мифологіи. СПб. 1841. 130-138, 178-182.

⁴ Несторъ, 34. Слово о Полку Игор. въ Рус. Достоп. II, 62 и 214. Юнгмана Słownik Ćes. IV. 349. Снегиревъ, Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. Пословица Галицкая: «Витеръ-божій духъ» у Плькевича, Галиц. Приповѣдки. Виѣнь. 1841. 17.

⁵ Несторъ: 20, 23, 31, 34, 50. Слово Христолюбца у Востокова, Описе. Рнсей Румянц. Муз. СПб. 1842. 228 и 229. Вацерадъ въ Словарѣ у Шафарика и Палацкаго, Denkmäler der Böhm. Sprache. Prag. 1841. 220. Коларъ, ib. I, 67 и 407.

⁶ Восточ. сказанія объ этомъ у Шармъа, Relation de Masoudy etc. Mémoires de l'A. de SPB. VI-ème serie II. 319 и 326. Халкондила у Стри-

и Хорсомъ-Дажьбогомъ, Сварожичемъ и Радагастомъ, Свято-видомъ, Яровитомъ и пр.; обожали звѣзды¹, мѣсяцъ², вѣроятно такъ-же, т. е. и какъ божества, и какъ лица божествъ. Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество, и по ея дѣйствіямъ, были-ли они благотѣльны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. Такимъ обоготвореніемъ природы, ея стихій, частей и силъ, начали Славяне циклъ своего многобожія, и потомъ все болѣе умножали его мнѣми объ отдѣльныхъ богахъ, все болѣе примѣняли ихъ къ человѣку, къ его нуждамъ и ожиданіямъ, все болѣе увеличивали число боговъ и число ихъ качествъ и названій, — такъ что наконецъ верховный Богъ представился родоначальникомъ огромной сѣмьи боговъ, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ. Это была настоящая сѣмья, въ которой члены связаны были узами кровнаго родства, сѣмья боговъ и богинь, родителей и дѣтей. — О богиняхъ Славянскихъ имѣемъ различныя свидѣтельства, начиная съ VI вѣка. О нимфахъ, обожаемыхъ Славянами, упоминаетъ Прокопій³. У Масуди читаемъ, что противъ главнаго идола, находившагося въ одномъ изъ храмовъ Славянскихъ, стоялъ другой, изображавшій дѣву⁴. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о женахъ и дочеряхъ Славянскаго бога⁵. Титмаръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей хроникѣ о богинѣ Лютичей, а въ другомъ объ изображеніяхъ богинь въ храмѣ Ретрскомъ⁶. О служеніи богинямъ читаемъ въ прибавленіи къ древнему переводу Григорія Назіанзина, въ словѣ Христолюбца,

тера, *Metogis populorum*. II. 1061. Слово *Кирилла* въ Москвитянинѣ на 1844 годъ. I 243. *Кирилль Туровскій* въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. М. 1822. 19. Особенное изслѣдованіе мое объ обожаніи Солнца древними Славянами помѣщено въ Жун. Мин. Народ. Просв. за 1846 г. № 7.

¹ *Vesicifinaхъ у Шармуа*, ib. 326. Его слова подтверждаются народными преданіями и повѣрьями.

² *Шафарикъ*, *Slow Starozitnosti*. Praha. 1837. 587. и пр.

³ *Прокопій*. III, 14.

⁴ *Масуди*, ib. 340.

⁵ *Френъ*, *Ibn.-Fozzlans Berichte*. SPB. 1823. 9.

⁶ *Титмаръ*, *Chronicon*. VI. 17. VII. 47.

у Длугоша и пр.¹ До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ: Гельмольдъ, Вацерадъ и Проконъ говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютица, Морана, Хлина; Длугошу—Дѣднїя, Дѣвана, Марїана, и пр.² Древнѣйшее изъ сказаній о сѣмейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнъ-Фонлану: изъ него узнаемъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: оно касается верховнаго Славянскаго Бога, и представляетъ его родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ—исполнителями порученныхъ имъ должностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ³. Въ дополненіе къ этому не лѣзя не вспомнить и отдѣльныхъ мнѣній о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страцца—сыномъ Сытиврата⁴; въ Словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владиміра⁵; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ-же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога⁶; изъ другихъ источниковъ узнаемъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ о его происхожденіи отъ Сварога⁷. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Славянскихъ боговъ: мало этого для мнѣ-

¹ *Длугошъ*, *Historia*. V. 9. *Переводъ Григорія Назіанзина у Кеппена*, Библ. Листы 1825. N 7. 88. *Слово Христомлюба*. ib. 228.

² *Гельмольдъ*. I, 52. *Вацерадъ*. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. *Проконъ*, *Chronicon Slavo-Sarm.* Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ *Гримма*, *Deutsche Mythologie* (2-е А.) Göt. 1844. 643.

³ *Гельмольдъ*. I, 83.

⁴ *Вацерадъ*, ib. 211, 223, 225.

⁵ *Слово о Полку Игор.* ib. 28, 62, 78, 92.

⁶ *Ипатьев.* *Лит.* въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. Спб. 1843. II. 5.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. Письмо св. *Бруна* къ Генриху II. (*Pertz*, *Monumenta Germaniae*. Hanover. 1829. V. 812.) *Слово Христомлюба*. ib. 228. Справ. *Casopis čes. Mus.* 1844. 486.

лога; но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ сѣмейную связь божествъ у Славянъ существовало, и было распространено между ними. Оно соединялось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы. }

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣмъ переломомъ въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его, и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнью каждаго человѣка. Жизнь считали они богинею жизни¹, а Сытиврата—богомъ времени². Кроме того они вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ «роженницами», и рассказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженницу, которая предсказываетъ ему судьбу его³. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаемъ изъ Слова Христолюбца: «молятся и роду и роженницамъ... беззаконная трапеза мѣняемая роду и роженницамъ⁴.» Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Даниїла Заточника, духъ или привидѣніе⁵, а словомъ «роженница» переводится иногда, по замѣчанію Преїса, Греческое слово *τὸ ἔχον*. Выраженіе «на роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденникъ», по которой всякій можетъ узнать свою судьбу. Въ извѣстнѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подъ названіемъ Шестодневца: «безуміи/людіе вѣрующе и волх-

¹ Прокошъ. 113. *Длугошъ*. V. 9.

² *Масуди*, ib. 320. *Видукиндъ*, *Res gestæ Saxoniarum*. III. 68. *Вацерадъ*, ib. 224.

³ *С. Вразъ*, *Glas iz dubrave Žeravinske*. Zagreb. 1841. 118-119.

⁴ *Слово Христолюбца*, ib. 229.

⁵ Слово Даниїла Заточ. въ *Памятникахъ Слов. XII в.* 237: «Дѣти бѣгають рода.»

вуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣднѣхъ монастей, различныхъ смертей и вазней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь»¹. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не мновать; суженаго конемъ не объѣдешь», или, какъ выражались Боянъ и Даниилъ Заточникъ: «ни хитру, ни горазду суда божіа не мнутни»; Сербы говорятъ: «испред божје волје никуда никамо, од суђења се не може утећи, и т. д.² Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи³. Подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались спроты и всѣ бѣдныя. Такъ Малоруссы говорятъ: «за спротою Богъ съ калитою»; а у Сербовъ сохранилась пословица: «да није спротинје не би ни сунце гријало». То-же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляютъ такъ говорить солнце: «jas pa ne man čakati, man w'liko obsjewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'rotice»⁴. Тутъ-же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ—убогими, у Сербовъ—божьяками, у Хорутанъ—богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ; вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ⁵.

Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными

¹ *Калайдовича*, Иоаннъ Экз. Болг. М. 1824. 212.

² *Слово о Полку Игор.* ib. 202. *Слово Даниила Заточ.* ib. 231 *В. С. Караджичъ*, Српске пословице. Цетинь. 1836. 106, 244.

³ *Краледвор. рпсь.* (4-е изд. Прага.) IV. 145, 158. VI: 136.

⁴ *В. С. Караджичъ*, ib. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зильской долины въ Карниотин. О ней *Ярникъ*, *Versuch e. Etymologikons der Sloven. Mundart.* Klagenfurt. 1832. 202.

⁵ *Пбнъ-Фоцланъ* у *Френа*, ib. 9 *Гельмольдъ*. II, 12. *Сефридъ*. Vita S. Ottonis. 54. (Acta Sanctorum. Jul. 1).

знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждуть—ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у всѣхъ Славянъ и въ свое время было замѣчено современниками. Ограшчусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ¹. «Знаменье бо—говоритъ лѣтописецъ—небесн или звѣздахъ, или въ солнци, или итнцами, или стеромъ чимъ не благо бывають: ли проявленіе рати, ли гладъ, ли смерть прольютъ»². У Руягъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее³. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣщатель странной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валился по тинѣ⁴. «Овъ кобені пѣтичъ смотритъ, овъ стрѣтенна стѣмнитъся»—говоритъ переводчикъ Григорій Назіанзинъ⁵. «Вѣруемъ—говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ—въ поткы и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хощемъ понти, которая переди понграсть, то станемъ послушающе, правая или лѣвая; ли да ще ны понграсть по нашей мысли, тѣ мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро ны кажетъ, ркуще окалпнн, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что ны на пути зло створитьсѣ, то учнемъ дружинѣ своєї глаголати, почто не вратихомся, а не безгѣна ны потка си додѣше понти, а мы ся не послушахомъ. Аще ны гдѣ будетъ понти, то мы течемъ къ волхвомъ; то вѣруемъ чеху и устряцю; а коли ны будетъ понти на долгій онъ путь, мы послушаемъ поткѣ»⁶.

¹ Масуди, ib. 319.

² Историѣ. 71.

³ Саксо грамматикъ. 827.

⁴ Титмаръ; VI, 17. О знаменьяхъ озера Гломачскаго I. 3.

⁵ Переводъ Григорія Наз. ib. 89.

⁶ Слово Кирилла, ib. 242-243.

«Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ Несторъ—аще усьѣсти вѣрующе: аще бо кто усьрящеть черноризца, то вѣзвращается, ли единиць, ли свинью; то не поганьски ли есть? Се бо по дьяво.по наученью кобъ сію держать. Друзіи же и закъхашю вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичіи граіи», и пр.¹. Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо знахарями. О нихъ написано въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по лаптамъ (плапндамъ) глѣдають, и смотрять дней и часовъ».—Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр.². Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія,—вѣры, которая, породивши такія книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожай полей, по его вѣрованію, зависѣлъ отъ богини жизни Живы³ и отъ бога свѣта и солнца Святовида. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святовида занималъ Яровитъ: «я богъ твой—говорилъ жрецъ именемъ своего бога,—я покрываю травой поля и листьями лѣса, я оплодотворяю нивы и деревья»⁴. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ нѣсѣхъ, выше приведенной,—

¹ Несторъ. 73.

² Кирилле Туровскій, ib. 19. Уставъ Владиміра въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ. Спб. 1846. N. 1.

³ Калаидовича, Іозифъ Эка. 211-213. С. Стросова, Описаніе памятниковъ Слав. руск. литературы. М. 1841. 125.

⁴ Вацерадь, ib. 217.

⁵ Сефридъ. 129.

и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ земныхъ¹. Подобно земледѣлію и скотоводство было подъ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стадъ и пастуховъ. Яровитъ заступалъ мѣсто Велеса у Гаволянъ². Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по моленіямъ Русскихъ купцевъ передъ идолами, и по дани, платимой Святовиду купцами³. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи восхваляютъ, какъ помогли боги Воімиру и Честмиру противъ Власлава а Забою противъ Людека, и говорятъ, что «bozi nam uicestuie daiu». Тамъ-же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, упоминается Трясъ⁴. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Святовидъ, который, какъ Сварожичъ, имѣлъ побѣдныя знамена и копя, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ-же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамберскаго Яровита, а Саксо грамматикъ Руевита. Книтлинга-сага знаетъ его подъ именемъ Черноглава, а Длугошъ подъ именемъ Лиды⁵. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перунъ и Волосъ: обѣщая Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не имутъ помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса»⁶.—Все зависѣло

¹ Смотри. Колядныя пѣсни у Паули (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10, 16.—Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. 9-10), Колара (Zpiewanky, I. 409), Корытки (Pesme Krain. poroda. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

² Историѣ, 31. Вацерадъ, ib. 229. Сесфридъ. 128.

³ Пбнѣ-Флоцманъ, ib. 7-9. Гельмольдъ I, 6. II, 52.

⁴ Краледвор. рнсѣ. IV, 204. VI, 140, 181.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем: Histor. Eccl. IV. 12. Гельмольдъ. II, 12. Саксо грам. 826, 830, 842. Сесфридъ, 134. Эббо, 71. Книтлинга Сага, 122 (Historia pirat jomens. Hafn. 1842. 350) Вацерадъ, ib. 226. Длугошъ. V. 9.

⁶ Историѣ, 20, 31.

отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастіе человека; богами насъмались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр.¹.

Все зависѣло отъ боговъ, — и сознаніе ихъ могущества дѣлало человека рабомъ ихъ волн, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ силнлся познавать и исполнять ихъ; но онѣ были слишкомъ сильны для него, — и онъ иногда упдалъ передъ ними, упдалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безспіе. Не мудрено, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, — что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости². «Прошу тебя — говоритъ Князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя передъ ними покорностію; опасаясь что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я кажется могу ихъ понять изъ того, что твое Конунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдешь въ кавнице, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и отсюда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою»³.

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, — и признавалъ бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствія, — и послѣдняго называли Чернобогомъ, а пер-

¹ Гельмольдъ, I, 83. Справ I, 52. Эббо, 65. Андрей, Vita S. Ottonis III. 16. Ипатьев. Лѣт. 5. Книтлинг-Сага, 122 (ib. 349-350). Саксо грам. 844.

² Титмаръ. VI, 17. Краледв. рись. IV, 46.

³ Сага Олава Тригвессона. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).

ваго, вѣроятно, Бѣлбогомъ¹. Кое что подобное встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть бози, единъ небесный, другіи во адѣ»². Любурскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола³. Въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Буднишна, есть гора—Чернобогъ, и подлѣ нея другая Бѣлбогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія⁴. . . . Трудно опредѣлить какое именно мѣсто занималъ богъ зла въ мифологіи Славянской; ясно впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ властелиномъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ мифологіи Славянской съ мифологіями другихъ Сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всюду одинаково, одними и тѣми-же страшными чертами рисуются злые духи въ противоположность добрымъ⁵. Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ христіанства; это—общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода чело-

¹ *Гельмольдъ*. I, 52. *Malum deum* sua lingua *Diabol* sive *Zeerneboeh*, id est *nigrum deum*, appellant, bonum que *Belboeh* (последнія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ).

² *Густин*. *Лѣт.* въ Полн. Собр. Лѣт. II. 273.

³ *Геннингъ*, Речный Словарь Люнебур. нарѣчій подл. слов. *Schwarz* и *Teufel*.

⁴ *А. Штуръ*, *Cesta do Luzie*. *Časop. Čes. Mus.* 1839. 476-477. *К. Прейсскеръ*, *Blicke in die vaterländische Vorzeit*. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Бѣлые боги* (лѣсъ и лугъ) находятся у большой дороги отъ Моеквы къ Троицъ, не доходя 15-ти верстъ, близъ села Городка.

⁵ *Edda Sæmundar hins fróða* III. Hafn. 1828. 496 и слѣд. *Нарбутъ*, *Dzieje narodu Litewskiego*. Wilno. 1835. I. 26-29. Ср. *Гримма*, *Deut. Myth.* 952-954 и слѣд.

вѣческаго. Какъ бы то ни было впрочемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугаль и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благость божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянскѣмъ язычествѣ было тѣмъ сильнѣе, что онъ вѣрилъ въ свою зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилой: онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, вѣрилъ, что по смерти ждутъ его или блаженства рая, или кара за неисполненіе воли божествъ. — О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства — и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Кракедворской рукописи, воспоминающія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла, и остается до тѣхъ поръ подлѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Такъ Влаславъ, пораженный Честмиромъ «*wstati ne mozesie; Morena iei sipase w noc czrnu; kipiese krew ze silna Vlaslawa, po zelene trawie w siru zemi u teie; ai a wiide dusa z rswucei hubi, wilecie na druo, a po druech siemo—tamo doniz mrtew ne zzen*». Такъ пагъ и Людекъ, пораженный Забоемъ: «*letie mlat, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista Ludiekowa prsi; i ulecie sie duse tiezka mlata, i mlat i dusu uirazi*». И послѣ побѣды «*tamo i uiele dus tieka siemo tamo po drsieuech, i ich boie sie ptactuo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie*». Такъ и юноша-воинъ былъ пораженъ лютымъ врагомъ: «*zewzniechu mutno zalostiui lesi; wirazi z iunose dusu dusicu; sie uiletie pieknim tahlm hrdlem, z hrdla krasnima rtoma*»¹. Въ паралель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «единъ-же пзронн жемчожну душу пзъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье»². Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 года: въ

¹ *Кракедв. рпс.* IV, 218-224. VI, 161-164, 229-232. X, 17-20.

² *Слово о полку Игор.* ib. 180.

ней сказано, что жрецы Поморянъ увѣряли народъ, будто они видятъ, какъ душа честнаго челоѣка съ дружиной переходитъ къ другой жизни въ небо¹. У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Ретрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ—говоритъ онъ—имѣетъ девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служитъ для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю боговъ, и это есть знаменіе что Стиксъ пролившись девять разъ, смываетъ погибшія души язычниковъ»². Понятіе о безсмертіи души замѣчено и Длугошемъ, который говоритъ, что язычники Поляки молили Нию, чтобы онъ ихъ отвелъ по смерти въ лучшія мѣста ада³. Есть и другія свидѣтельства, касающіяся какъ увидимъ, самаго состоянія души по смерти тѣла.—Изъ древнихъ обычаевъ Славянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной душѣ, вспомнимъ два:—Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселье пиры: ихъ бы не могло быть, если-бы оставшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни⁴.—Въ числѣ доказательствъ, тутъ приводимыхъ, нельзя забыть и того, что въ народныхъ преданіяхъ Славянъ сохранилось много, вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи души и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокаиваетъ тѣло убійца, объ отдѣленіи души отъ тѣла у зна-

¹ Мацневскій, Pamiętniki Słowian. SPB. 1839. II. 107.

² Адамъ Брем. Historia Eccles. IV. 11. 65.

³ Длугошь. V, 9.

⁴ Песторъ. 6. Кракедвор. рнсь. IV, 224. Маврикій, Strategicon. XI, 5. (Шафарикъ, Slov. Star. 969). Левъ Діаконъ, Historia. IX, 6. Вунсфридъ Бонифацій въ письмѣ 72 (Шафарикъ, ib. 843). Титмаръ. VIII, 2. Альберикъ, I, подъ г. 751. Масуди, ib. 314, 317. Димсикки, ib. 353. Ибнъ-Фозланъ. ib. 11-21.

харей и вѣдьмъ, о превращеніяхъ, ими на себя принимаемыхъ и т. п.

Съ понятіемъ о безсмертіи души не разлучно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было заимствовано уже Арабами X вѣка. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войти въ рай¹. Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обрекшей себя на смерть. «Вонъ, я вижу—говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти,—я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ все мои умершіе родные; вонъ и мой господинъ,—онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальныя обряды: «Мы сожигаемъ—говоритъ этотъ Русскій—нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай². По вѣрованію Славянъ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него, только посредствомъ мужчины; и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его жена—говоритъ Масуди—послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, лишь бы войти въ рай со своими душами³. То-же понятіе о недоступности рая должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаемъ изъ Димешки⁴. Съ вѣрованіемъ въ недоступность рая, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самаго значенія⁵

¹ Масуди. ib. 317.

² Ибнъ-Фоцланъ. 17-21.

³ Масуди. ib. 317.

⁴ Димешки, ib. 353.

⁵ Юнгманъ, Słownik. III. 786. Lunde, Słownik języka Pol. III. 16-17. Шимкевичъ, Корисловъ Рус. языка. СПб. 1843. II. 37.

этого слова, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ рассказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ¹. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и та-же участь,—что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своею неправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ: такъ послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, клялись, что «да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій», если измѣнятъ слову; такъ Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойіекаго, никогда не славались непріятелемъ, но вонзая мечъ подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убійство въ сраженіи, по смерти своей, или по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ². Подобныхъ наказаній на томъ свѣтѣ не могли не бояться Славяне и за многое другое, и кромѣ такихъ наказаній боялись въ будущемъ и другихъ бѣдъ. Они боялись мукъ въ неугасаемомъ огнѣ «пекла», вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ³. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане рассказываютъ о провальяхъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло назначаютъ пропасти горы Ситна, и злаго духа называютъ духомъ пропасти, пропастиникомъ, пре-

¹ Преданія о раѣ сохранились въ сказкахъ. Смотр. Журн. Минис. Нар. Просв. 1846. № 7: тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторые изъ этихъ преданій.

² *Исторія* 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій». *Левъ Діаконъ*. IX, 8.

³ У восточныхъ и сѣверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pěklo, pĕkĕno); у югозападныхъ—накао (нако, наку, и т. д.); у Литовцевъ—pėklà, у Мадьяръ—rokol.

падникомъ; о пропастьхъ ада говорятъ и преданія Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ'. . . Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянна язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощенье за грѣхъ. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслию о благодѣи боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвою и жертвою, а по смерти обрядомъ сожженія тѣла и обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, стмѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ-же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ воспоминаетъ Лавъ Діаконъ, рассказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженіи, когда грѣхъ мертвыхъ очищался смертію живыхъ существъ. То-же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи челоука огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ сожженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ,

* Коларъ, *ib.* I, 18, 429. *Его же*, *Wyklad ku Slawy decfe. Peřt.* 1832. 403. Юнгманъ, *ib.* III. 682. Лунде, *ib.* II. 1120-1121. и пр.

Слѣтно-ли съ понятіемъ о неслѣ или отдѣльно, Славяне боялись, кажется, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: это вѣрованіе уцѣлѣло еще въ народномъ суевѣріи. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!» или: «сгинь ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те нити душе твоје!» У нихъ же поговорка: «изгниуо као неvjерац!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти злодѣевъ со смертію животныхъ. У всѣхъ-же Славянъ есть заклинанія, что бы Богъ наказалъ неправого смертію: «Богъ меня убей, бій ти сила божя, niecłi mie ran bóg zabije, zobu mje boh zabia, da me бог ubije, правого божє» и пр.; подъ смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежитъ и свидѣтельство Титмара (I, 7,) что по вѣрованію Славянъ временная смерть можетъ оканчиваться все.

столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникъ не единственнымъ, но могущимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычниковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя и сомнѣваться, что въ нее вѣрили Славяне, и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ тайнъ богослуженія.

Таковы были главные догматы язычества Славянскаго' вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго богослуженія. — Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилища, и въ той, мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилища. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: они надѣялся Славянинъ умилостивить боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны, и, опираясь на вѣрованіи въ благость боговъ вели за собою веселья пиществъ. — Въ первой изъ двухъ слѣдующихъ главъ мы разсмотримъ святилища, а въ другой обряды богослуженія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Святылища богослуженія.

I.

Мѣста поклоненія стихійнымъ божествамъ воды и огня.

Отличая въ сонмѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святылицахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ сознавали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитаютъ, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ идолами, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у иныхъ Славянъ простые жертвенники, подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ, и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Обозрѣвая святылица Славянскихъ боговъ, прежде всего надобно обратить вниманіе на мѣста поклоненія божествамъ воды и огня.

Воду почитали Славяне стихіей, изъ которой образовался міръ, и земля, по ихъ понятію, вышла изъ моря: это видно изъ пре-

даній, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галицкіе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коли было зъ нащада свѣта, втодѣ не было неба нѣ земли, неба нѣ земли, лемъ синє море». Замѣчательно пригѣвъ къ этой пѣснѣ—«Подуй—же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли»!, напоминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа¹. Такъ Хорутане, давая морю имя «света вода», рассказываютъ, что когда земля, по волѣ Божіей, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показалась изъ подъ воды гора Триглавъ, а потому—то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть то-же подобное преданіе, пригѣненное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, что всѣ онѣ соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторяется море какъ что-то священное; а ключи и озера, почитаемыя священными, можно пайти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чудными, язычески божественными, морянами, водянами, водяными мужами и женами, русалками, дупавками и пр.² Не лзя не считать всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотношеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божій водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава Стыдливого и другихъ, въ Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ Чешской лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брѣненскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ

¹ Бирецкаго, Собраніе колядокъ. № 1. К. Семеновскаго, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссійцевъ. СПб. 1843. 56.

² Срав. Шафарика статью въ Čas. Čes. 1833. 257 и слѣд.

книгахъ Оомы Штитнаго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д.¹ — Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водѣ соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослужебные обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Прокопія: «Славяне — пишетъ онъ — обожаютъ рѣки, нимфы и нѣкоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ»². Въ свидѣтельствѣ позднѣйшемъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзинна, вѣроятно о тѣхъ-же Славянахъ, къ которымъ принадлежали описанные Прокопіемъ, находимъ: «Овъ рѣкъ богыниѣ паридаетъ и звѣрь живиць въ нѣп іако Бога паридатъ трѣбѣ творитъ»³. У Болгаръ есть обычаи, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычаи существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуется между прочимъ народная пѣсня⁴. У Болгаръ есть также обычаи, исполняемый то-же дѣвушками, въ день Ивановъ утромъ до зари, бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сплетенное изъ вѣтвей⁵. О богослуженіи при водахъ у Русскихъ упоминаетъ Левъ Діаконъ: воины Святослава — пишетъ онъ — погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ⁶. Несторъ говоритъ, что Русскіе «кладземъ и езерамъ жертву приношаху», — а Лѣтопись Новгородская, что наши «погаша жряху подомъ въ колодязѣхъ»;

¹ Рус. Правда въ Рус. Достоп. II. 17. Писня о судѣ Любуши въ Denkmäler der Böh. Spr. 41, 63. Козьма Празж. I. 110-111. Rád země České. § 68. въ Archiwé Čes. Палацкаго II. 113. Prawo Země České § 150. 155. у Кухарскаго въ Давн. нам. Слов. законод. Варш. 1836. 257. Законникъ Стефана Душана. §. 78. у Кухарскаго. 124, 221. и пр.

² Прокопій III. 14

³ Переводъ Григорія Наз. ib. 88.

⁴ Хорват. пѣсни, записанная мною на островѣ Вельи: «... Сиди дивче доли, те си више плјете, један винац сплјела, у морје годила.»...

⁵ Машлатка собственно значить: остоѣ, скелеть, — старуха костлявая, — яга-баба. Срав. Малор. маслаки — кости животныхъ.

⁶ Левъ Діаконъ. IX, 8.

въ Уставѣ Владимира о судахъ упоминается о молящихся у воды; въ Правилахъ Митрополита Іоанна о «еже жруть бесомъ и болотомъ и колодеземъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у простаго народа плесканіемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте собѣ бога . . . ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ» и пр.¹. Въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ читаемъ не только о морскомъ царѣ, какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаѣ приносить Волгѣ и морю хлѣбъ-соль, какъ жертву благодарности². Нѣкоторые изъ раскольниковъ и донинѣ поклоняются водѣ, воображая въ ней видѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чанами, и при поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя деньги какъ жертву. Вообще не потребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ³. Изъ пѣсень и обычаевъ Русскихъ—говоритъ Снегиревъ—видно, что у воды совершались гаданья, какъ на призмѣ въ Семиѣ. Въ одной старой пѣснѣ, которую поютъ въ Подольской губерніи подѣ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу, и та отвѣчаетъ имъ какъ оракулъ⁴. Въ Малороссіи, въ день Ивановъ рано утромъ, многіе кунаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей, а по закатѣ солнца приносятъ къ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ все украшенія, кромѣ вѣнковъ, поютъ тѣ-же пѣсни, какъ и на капуни, и съ крикомъ, бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и марену. Иные сплываютъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чтобы унести, домой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней⁵. Съ этимъ

¹ Густин. Лѣт. 234, 237. Лѣт. Повг. 1781. 1. Уставъ Владимира о судахъ въ доп. къ А. Н. 1. Русскія Достоп. I, 94, 101. Москвитянинъ на 1844. I 243. Калайдовича, Памятники XII вѣка. 19.

² Древ. Рус. Стихотворенія. М. 1818. 236 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолнѣлъ, его въ Волгу пустилъ: «а спаси бо тебѣ, Волга матушка рѣка.»—«Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, точу царю заморскому не платилъ я дани-пошлины, и въ то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не опускавалъ,—по меня Садка смерть пришла.

³ Снегиревъ, Рус. праздники. М. 1839. I. 16.

⁴ Снегиревъ, ib. I, 136-137. III, 113.

⁵ Пассекъ, Очерки Россіи. III. М. 1840. 109.

обрядомъ сходящъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромъ». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицынъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и выбравъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга кушать¹. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій: одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошъ, и нѣсколько подобныхъ сохраняется до сихъ поръ въ народѣ; изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресенье сырной недѣли въ Силезіи и Польгѣ бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы². Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ рассказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обиталищѣ духовъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее, и почитаемомъ болѣе церковей. Эббо упоминаетъ о священномъ ручьѣ, обтекавшемъ орѣховое дерево, посвященное какому-то идолу; а Гельмольдъ объ обычаяхъ клянется ручьями³. Воднымъ божествамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуется ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упоминая о поклоненіи потокамъ, о возліянніи и жертвахъ надъ потоками. Послѣднія совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть сравнены съ Великорусскимъ обрядомъ погребенія костромъ и съ русаліями⁴. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодцемъ⁵. У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, есть обычай бросать весною въ потоки яства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ. — Изъ всего

¹ *Снегиревъ*, ib. III. 134.

² *Длугошъ*. VII, подъ 1278 г. *Снегиревъ*, ib. II. 131.

³ *Титмаръ*. I, 3. VII, 52. *Эббо*, 98. *Гельмольдъ*, I, 26.

⁴ *Козьма Пражскій*. ib. 10 и 197.

⁵ *Касторскій*, ib. 150.

этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, поклонялись воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіею священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныя вѣнки, лѣства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣруя также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утѣшенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судьями. Воднымъ существамъ были посвящены особенныя дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и танцествъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіею, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ: у Карнатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь огонь вмѣстѣ съ царицею водою свѣтъ создалъ; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ рассказывается что огонь породилъ и солнце и мѣсяцъ, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ, несовѣмъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъ же родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ, хоть и не древнѣйшихъ, но конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ источниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфеда и Димешки¹.

¹ Казвини, Бакуви и Абульфеда у Шармуа, ib. 340, 358, 361. Димешки у Френа, ib. 136.

Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магизмомъ; а такъ какъ магизмомъ называли Арабы всякую языческую религію¹, то можно было-бы заключать, что и тутъ магизмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразныя свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрьями и обычаями Славянъ современныхъ. Такъ всѣ Славяне, сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огненнымъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блудящихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь возгнетаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ зпичемъ или взпичемъ (отъ «петити—питити—возгнѣтати»)². У всѣхъ-же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ къ обиталищу духовъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычаѣ огневозжиганія въ полѣ—почти вездѣ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ—и съ обычаемъ жертвоприношеній огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычаѣ гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старыя памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычаѣ судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ подою, гонсрится и о судѣ желѣзомъ³. Къ числу этихъ общеславянскихъ обыкновеній надобно причислить и древній языческій обычай сожженія мертвыхъ, показывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ стихіей очистительной: «мы сожигаемъ

¹ Френъ, ib. 137-138.

² Многие Славяне называютъ этотъ огонь «живымъ огнемъ.» Срав. Ходяковского Путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

³ См. стр. 22.

мертвыхъ—говорилъ Русскій Ибигъ-Фоцлану—такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»¹. Кромѣ всего этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго поклоненія огню, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огнени молятся, зовутъ его сварожіцемъ... и огнени молятся подъ овин(о)мъ»². О Сварожичѣ, сынѣ Сварога, упомянуто было выше: безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварогова сына, а другаго, — во всякомъ случаѣ сына владыки неба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачъ», намекающее на давнее понятіе объ огнѣ, какъ сынѣ бога. Что-же касается до молитвъ подъ овинномъ, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ³; обычны онѣ и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гумнѣ совершаются даже и нѣкоторые обряды, а въ другихъ празднуютъ и именины овина⁴. Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огонь»⁵. У Поляковъ сохранились слѣды огнепоклоненія въ народныхъ повѣрьяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горящихъ угляхъ, кѣмъ украдено что-нибудь пропавшее: отбирая уголь за углемъ, приговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозреваютъ, и чей уголекъ въ это время покроется пепломъ, тотъ и долженъ быть воромъ⁶. У Лужичскихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гаданьяхъ по пламени, и остатокъ этого гаданья существуетъ до сихъ поръ, когда зимою дѣвцы собираются на пряжу: между другими гаданьями о своей судьбѣ, зажигаетъ каждая за себя

¹ *Ибигъ-Фоцланъ*, ib. 21.

² *Слово Христолюбца*, ib. 228.

³ *Уставъ Владиміра*, ib. I.

⁴ *Снегиревъ*, ib. IV, 83. I, 201.

⁵ *Калийдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

⁶ *Антонъ*, Collectanea въ Эгорьской Библіотекѣ. III. № 15.

лучинку, и чья скорѣе погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорѣе. О почитаніи огня древними Чехами говоритъ Козьма Пражскій и Византійское преданіе, записанное Халкондилой¹. Въ народѣ Чешскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ, на пеплѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрекающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огненоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Богиньскихъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ избѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у рощи или у воды, раскладываютъ огонь и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поютъ, принимаютъ: «swetī se, swetī oġenj, swetī se!». Одна изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняетъ должность главной распорядительницы обряда, называясь дѣвою огня—«wogniena deklīca». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываетъ въ день Зевса и Перуна². и что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и по обрядамъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычаѣ гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадин дан» т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «бадиняк»³. Обычаи креститься при разложеніи огня указываютъ также, что до принятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ-нибудь молились.—Опуская нѣкоторые другія свидѣтельства, нѣмѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того-же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее:—Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились—на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, чело-вѣку неслыхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годо-

¹ Козьма Праж. 10. Халкондила у Стриммера, *Memoriae* pop. II. 1062.

² Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thurstag; у Люнебургскихъ Славянъ Parandan-Perendan.

³ В. С. Караджичъ, Сербскіи рѣчникъ. Беч. 1818. 16-17.

вые праздники, каковы Коляда и Купало; ему посвящался особый день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось двѣмъ.

II.

Святѣища богослуженія горнаго и лѣснаго.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію жертвенниковъ богослуженія горнаго и лѣснаго.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества, и по этому не могли не быть почитаемы какъ священныя мѣста богослуженія. «Не парницайте собѣ бога ни въ камешѣ», говорилъ Кирилъ въ своемъ словѣ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. О бѣломъ горячемъ камнѣ Алатырѣ, подъ которымъ сокрыта сила могучая, ей-же нѣтъ конца, сохранились до сихъ поръ мнѣя въ народѣ Рускомъ¹. Корочуновъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія², подобно Коню камню (на островѣ Коневцѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня³; а въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красивой мечи, вокругъ Коня-камня совершается до сихъ поръ онахиванье во время скотскаго падежа⁴. Въ Поволжскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ часто можно найдти дироватый камень, повѣшенный на жерди; его называютъ «курнымъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой однако сохранилось воспоминаніе о прежнемъ языческомъ поклоненіи камнямъ.⁵ Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на

¹ Слово *Кирилла* въ Москвитинѣхъ, 1844. № 1. 243.

² *Сахаровъ*, Сказанія Рус. народа. СПб. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36.

³ *Карамзинъ*, II. Г. Р. IV. пр. 387.

⁴ Исторія Рос. Церархін. IV. М. 1812. 607.

⁵ *Снегиревъ*, ib. 1. 15-16.

⁶ *Касторскій*, ib. 135.

Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ рассказываютъ и сказки о духахъ горъ «горышяхъ», столь извѣстныхъ въ сказкахъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья, прислушиваясь къ отголоскамъ. У Балтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; они клялись, говоритъ Гельмольдъ; у мыса Горенскаго, близъ Руяны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божьимъ камнемъ—Buskahm (бужь-камень), а подлѣ Деммина есть другой священный камень; вѣроятно много подобныхъ встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жили или и доннѣ живутъ Славяне: таковы—Соботка (Zobtenberg), Кёнигеганскія горы, Прашицкія, Бѣлбогъ и Чернобогъ ипр. О томъ, что горы и камни обожались были древними Чехами, свидѣтельствуетъ Козьма Пражскій¹. Въ писаныхъ Краледворской рукописи упоминается о скалѣ, милой богамъ, на которой совершались жертвоприношенія². У Словаковъ священными горами до сихъ поръ считаются нѣкоторые изъ вершинъ Татранскихъ; по ихъ повѣрью, тѣни усопшихъ собираются въ Ивановъ день на Матру молиться духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорутанъ имя священной горы носитъ Триглавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскихъ хребетъ Велебитскій считается обиталищемъ вѣтъ, горныхъ русалокъ, которыя, по народному преданію, какъ духи добрые, помогаютъ человѣку, предостерегаютъ его отъ опасностей, даютъ ему знать о ихъ своемъ голосомъ, предсказываютъ ему будущее, и требуютъ отъ него жертвъ³. У Хорватовъ есть обычаи оставлять для нихъ на камняхъ плоды и ленты, обычаи превратившіеся въ дѣвичью игру, но оставшіеся, конечно, отъ временъ языческихъ,

¹ Гельмольдъ. I. 83. Бартольдъ, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. 559.

² Козьма Пражскій, ib. 197.

³ Краледвор. рцъ. IV, 143-145. Сран. Стредовскаго, Sacra Morav. hist. 42.

⁴ В. С. Караджичъ, ib. 69—70. Его-же Српске пјесме. Беч. 1841. I. 149 и слѣд.

когда имѣть религіозное значеніе. У нихъ есть и пословица:— «узми, вилю, ча је теби мило!», употребляемая, когда говорится о вынужденномъ подаркѣ. — Хотя всёго этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горномъ; но и изъ этого видно, что божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и что вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карнатахъ, Судетахъ, Исполнахъ и пр.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ шли Славяне, и сохранили отчасти донынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ; поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Приходя на островъ св. Георгіа— говоритъ онъ—Русскіе совершали жертвоприношенія подъ большимъ дубомъ¹. Въ Уставѣ Владимира о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ, «кто молится въ рощахъ»², а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи «дупли-намъ древянымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшывающе»³. Этотъ послѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, называя это приношеніями русалкамъ⁴. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи— о служеніи около куста⁵. И хотя уже Кириллъ Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекутся богомъ—ни дресеса»⁶; однако не только Духовный Регламентъ запре-

¹ Константинъ Порфир. De Administrando imperii. 9.

² Уставъ Владимира, ib. 1.

³ Карамзинъ, Н. Г. Р. I. пр. 216.

⁴ Касторскій, ib. 134.

⁵ Ипатьев. Лѣт. ib. 184, 234, 257.

⁶ Калайдовича, Памятники XII в. 19.

псалъ «передъ дубомъ молитвы пѣть, но и до сихъ поръ народъ Русскіи рассказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, и даже кое-какіе обычаи, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи.¹ Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «силѣ видимой невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ-то священномъ и пр.² Семницкая пѣсня: «подъ липою столъ стоитъ», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ³. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное аужанье, какъ въ голосъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поволжскихъ есть обычаи у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Поляки также чтятъ деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близъ Штеттина; а Сефридъ—о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который почитался жилищемъ, какого-то бога⁴. Народъ считаетъ до сихъ поръ нѣкоторыя рощи священными, и запечатлѣлъ прежнее уваженіе къ нимъ въ самыхъ названіяхъ: нѣкоторыя называются по прежнему обычаю «божищами»⁵. О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много современныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Ретрекскій, священнымъ и обожасмымъ былъ и Святыи боръ (Zuitibor)⁶. Больше подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говоритъ о почитаніи лѣсовъ и рощъ, какъ святилищъ, и о запре-

¹ Снегирева, ib. I, 39. II, 6.

² Сахарова, ib. Заговоры №№ 11, 19, 25, 28, 29.

³ Снегиревъ, ib. III, 112.

⁴ Эббо. 98. Сефридъ. 106, 169.

⁵ Голембѣвскій, Lud polski. Warsz. 1830. 278—279. Ходаковскаго Донесеніе въ Истор. Сбор. VII. 116: Гай богъ. Фабрицій, Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen. Stralsund. II. 1843. 68. № 132: «due arbores que Hagebokin dicuntur.»

⁶ Титмаръ. VI, 26, VII, 18.

щеніи клясться деревьями¹; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священныхъ рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали—рассказываетъ онъ—въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и священные дубы, которые были посвящены богу того края, Проне. Они окружены были дворомъ и деревянною, тщательно отдѣланною оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были все мѣстечки, это мѣсто было святилищемъ для всего края, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника, сходился народъ на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ принести жертвы или кто, угрожаемый опасностію смерти, искалъ тутъ убѣжища. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ намъ увѣщивать приступить къ разрушенію святилища, и самъ соскочивъ съ коня, низринувъ большіе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священныхъ деревьевъ въ костеръ, и зажгли»². Арнольдъ Любекскій упоминаетъ о рощахъ Годерака, а Марескалкъ Турій о рощахъ Живы³. До сихъ поръ въ Германіи, гдѣ прежде жили Славяне, нѣкоторые рощи и боры называются святыми⁴. О нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ рассказываетъ какъ о мѣстахъ сборища духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Лужицахъ Саксонскихъ говорятъ, что въ такихъ «святыхъ гаяхъ» являются тѣмъ стародавнихъ князей, и молятся тамъ неизвѣстному богу, принося жертвы. О существованіи лѣснаго богослуженія у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Пражскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ раска-

¹ Гельмольдъ. I, 52, 83.

² Гельмольдъ. I, 83.

³ Арнольдъ Любек. *Chronicon Slavorum*, IV, 24, (Сравн. *Anna*, *Jahrbücher des Vereins für Mecklenb. Gesch.* VI. Schwerin. 1841. 70). Марескалкъ Турій. *Annales Herulorum*. I, 4.

⁴ На пр. Heiligenhai и.и Swent. Schwarz, *Einleitung zur Geschichte Nord. Deutsch. Slav.* 204.

зывается, что вторая из трех дочерей Крока; Тетка, научила народъ обожать дріадъ, и что въ его время еще было въ простомъ народѣ религіозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Князь Брѣтиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которыя были еще почитаемы простымъ народомъ во многихъ мѣстахъ¹. Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честмиръ, посланный Княземъ Неклапомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «*pode wsie druha wzlozie obieti bohom*». Въ другой пѣснѣ «о великомъ пораженіи», тамъ-же, Забои, жалуюсь на пшаврцевъ, угнѣтавшихъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «*posieckachu wsie druha i rozhrusiechu wsie bohi*»². У Славаковъ есть много воспоминаній о священныхъ рощахъ. Кромѣ сусѣдныхъ рассказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычаи, довольно распространенныя, содержать подлѣ селеній заповѣдныя «ган», болѣею частію на возвышенныхъ мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа» который шопотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рядить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубинѣ лѣса, въ такую чащу, куда-бы не могъ дойти лучъ солнца³. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще занято повѣрьями объ обитателяхъ лѣсовъ, вѣлахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чащѣ, и пр. У Хорутанъ нельзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у липы, которою украшается середина главной сельской площади. Уваженіе къ липамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ⁴. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычники Славяне

¹ Козьма Празе. 10, 197.

² Краледвор. рпись. IV, 22—23. VI, 50—51.

³ Краледвор. рпись. VI, 15—19.

⁴ Коларъ, Zpiscwanky. I. 429—431.

хорошить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Оттонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ Князь ихъ Брѣтиславъ. — }
 Изъ всего, что сказано выше о мѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можемъ вывести слѣдующее:—Служеніе богамъ совершалось—или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, перѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено коньями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви,—или около куста,—или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

ГОРОДИЩА.

Не лѣзя не согласиться, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ.—Городища, какъ памятники язычества, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогъ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною сдѣланныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковского¹. Городищемъ² называется старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильно дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукругъ, и иногда обведенная кругомъ—или или съ какой-нибудь стороны

¹ Андрей, V. От. II, 82. *Козьма Пражск.* 112.

² Ходаковского, Планъ Путешествія по Россіи, въ Сынѣ Отеч. за 1820. N. 33—40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникѣ Евр. 1820. N. 17—18. *Его-же*, o Słowiańszczyźnie przed Chrzescianstwem. Krakow. 1835. *Его-же*, Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникѣ. I. М. 1837, кн. 3.

³ Рус: городище, городиско; Поль: grodzisko; Луж: 'rodzišće; Чеш: hradiště.

не ровнѣмъ, а другою подобною насѣнью или даже многими. Изъ городищъ одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ которыхъ валъ образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на выѣшнюю сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валъ всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; иныя-же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ угловатыхъ валъ образованъ по четвероугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бываютъ также со входами и безъ входовъ. Отъ городищъ полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода, — и валъ у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покосомъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половинной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насѣны кругомъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва-ли можетъ быть подведено подъ какія-нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую-нибудь особенность, которой не имѣетъ никакое другое; и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что-нибудь значили, насѣялись не случайнѣю, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлить на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлить главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валъ — то съ задней стороны, то почти кругомъ; иногда-же, получая самыя разнообразныя формы, примыкаютъ болѣе всего ко входу городища¹. Городище имѣетъ свой тылъ

¹ Примеры городищъ разныхъ формъ можно найти у *Ходаковского* (Истор. Сист.), *Калайдовича* (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ М. 1824), *Ваг-*

или заднюю сторону тамъ, гдѣ валъ поднимается выше, и свою переднюю сторону или лице тамъ, гдѣ валъ ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковский считалъ лице или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устройства городища¹; есть однако много городищъ, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку не лѣзя не замѣтить, что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. Притомъ-же, лице и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лице въ отношеніи къ тылу находится съ боку.—Ни одно изъ городищъ не сохранилось, быть можетъ, вполне въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одни осѣли, другія разрыты водою или людьми, и всѣ такимъ образомъ могли потерять хоть что-нибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, не лѣзя не обращать вниманія и на величину городищъ, т. е. на длину вала по его вѣщу, на толщину и вышину его, наконецъ на обширность завалы или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣщу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣщу вала. Высота вала не соразмѣряется съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже,—можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толстоты вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышиною, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90—110°. Во внутреннемъ пространствѣ городища имѣетъ поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не

нера (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elbufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland Leipz. 1833), *Прейскера* (Blicke in die vaterländ. Vorzeit Leipz. 1841—1843. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

¹ Ходаковский, Истор. Система. II, 27, 93.

болѣе 10. — Такъ разнообразны городища, встрѣчаемыя въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ впрочемъ Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковскій и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря¹. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западѣ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шумавы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балтійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва-ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Морави, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва-ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, по сѣверному склону Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполниновыхъ горъ, городища не большая рѣдкость, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы, — и на сѣверъ доходятъ они до широты Берлина и Варшавы, такъ что за 53° не попадаются уже, кажется, нигдѣ. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище². Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковскій, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что не лѣзя видѣть двухъ-трехъ на одной верстѣ³. Факты противурѣчаютъ этой догадкѣ: въ Лужицахъ, на примѣръ, чѣмъ глубже идти

¹ Ходаковскій, Планъ путешествія. Сынъ От. N. 33. 296.

² Ravensbug. Bartsch, Jahresbericht d. Vereins für Mcklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110 — 117.

³ Ходаковскій, Истор. Сист. 11 — 12.

на югъ въ горы, и чѣмъ ближе подходитъ къ такъ называемому Болоту (Bloto, Spreewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторые порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройти большое пространство, напримѣръ въ Степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ и на востокѣ, и на западѣ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Шпревѣ и ея притокахъ одно отъ другаго отстоитъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ. — Ходаковский былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ водою, съ себя и на себя давая открытій, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды. Это мнѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищъ, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниною, болотами, лугами, холмами, и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южнорусскихъ — на совершенно ровныхъ мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текучей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащею. Вообще мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытыхъ, могли быть всегда видны хоть съ какойнибудь стороны; — и таковы степныя не только видны но и приступныя; таковы же и нагорныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой кручею ската, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими вѣтвями.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять вѣрнѣйшій видъ и положеніе городищъ; остается сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами ?

богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказываютъ уже Ходаковский, еще не обращая вниманія на то, что можно въ нихъ найдти, разрывая почву, ихъ покрывающую¹. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительно. Въ городищахъ, при разрытіи окопчностей вала и внутренняго пространства завалы, находимы были: а) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалы; б) въ углѣ и золѣ педогорѣвшіе головни, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; в) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завалы — ножны, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., д) каменные основанія костра и между камнями педогорѣвшіе брусля². Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что слѣдовательно это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, послѣвшихъ на себѣ тотъ-же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Не лѣзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убѣжищъ, какими были и священныя рощи и храмовые города, во время мира совершенно пустынные³; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе-бы не то можно было находить въ нихъ. При томъ-же, нѣкоторые изъ городищъ такъ малы, что ихъ какъ военныя укрѣпленія употреблять было-бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь-же обще извѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ-бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ не лѣзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактическаго. Наконецъ, и въ народѣ хоть они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священныи характеръ, пробуждая собою религіозный страхъ или приковывая къ себѣ какія-нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужебное значеніе городищъ видно изъ всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что

¹ Ходаковский, ib. 53 и слѣд.

² Смотри. вышеознач. статьи *Прейскера* и *Вагнера*.

³ *Гельмгольдъ*. I, 83. Сравни ниже о храмовыхъ городахъ.

нѣтъ пока возможности дознаться не по однимъ догадкамъ, какого именно рода богослуженію посвящены были они, какіе обряды были въ нихъ совершаемы, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

ХРАМЫ: ИХЪ УСТРОЙСТВО И ПОЛОЖЕНІЕ, ХРАМОВЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ
БОГОВЪ, БОГАТСТВА ХРАМОВЪ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно—по своей архитектурѣ,—по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ,—по отверстіямъ въ кровлѣ,—по настройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца,—по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся,—по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоценными камнями прежде, чѣмъ они случились,—по звукамъ, раздающимся сверху зданія,—наконецъ по тому, что бываетъ съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца. . . тамъ-же есть страшныя изображенія различныхъ Абиссинянъ и Эфіопянъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ: оно построено было изъ краснаго коралла и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой кунулъ, подъ которымъ стоитъ идолъ. . . а противъ него другой изображающій дѣву.

¹ По другому списку: «изъ мрамора».

Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними». Не лѣзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но не лѣзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: какимъ Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ предѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣденій, какъ нѣтъ свѣденій и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было-бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. — О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ впрочемъ только краткія напоминанія. О трепищахъ упоминаетъ Новгородская лѣтопись; о капищахъ — Митрополитъ Иларіонъ въ «Словѣ о Законѣ Моисеемъ данномъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей — Кіевскій Патерикъ²; и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвессонѣ: Олавъ — сказано тамъ — ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы³. — О храмахъ Польскихъ Славянъ есть извѣстія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи упоминаютъ

¹ Масуди, ib. 319—321, 340, 358.

² Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вѣстѣи. II. 111. Теоренія Св. Отцевъ. М. 1844. II. 204. Карамзина. II. Г. Р. I. пр. 225. Трѣбище — храмъ, жертвенникъ (Иерем. VIII, 31: создана трѣбище — Vulgat: excelsa. — Павла Посл. I къ Коринѣ. VIII, 10: въ трѣбни возлежаща — Vulgat: in idolio). Трѣбити — терѣбить — щипать, выщипывать, вырезывать, вычищать; трѣба — нужда, обрядъ. — Капище — идолъ, — жертвенникъ. (Исходъ. XXIII, 24: сокрушивши капища — Vulgat: statuas. Дѣян. Апост. XVII, 23: обрѣтохъ капище — Vulgat: agam. Срав. Карамзина, II. Г. Р. I. пр. 458. Капище, по Добровскому (Грам. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ кап-ати: не правильно нѣ-ан отъ коп-отъ (срав. Греч. καπνος).

³ Сага объ Олавѣ Тригвессонѣ. Руск. Истор. Сбор. IV. 46—47. стр. 96—97.

Другошъ и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живцѣ—хроника Прокоша, о храмахъ земли Колобрежской—хроника Титмара¹. Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ о храмахъ Штетинскихъ. «Были въ Штетинѣ—именно Сефридъ—четыре «континны» (continae, concivae), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была выуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились разныя драгоценныя вещи, оружія и пр. Въ ней-же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ. . . Три другія континны были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, сюда сходились въ извѣстные дни и часы шировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ»². Изъ Эббона можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штетинскихъ, самой высокой³. — Всего болѣе извѣстны храмы Балтійскихъ Славянъ. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей—говоритъ онъ—есть городъ, но имени Ридегостъ, трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ

¹ *Другошъ*. V, 9. *Прокошъ*, 113. *Титмаръ*. VIII. 52.

² *Сефридъ*. 105. Онъ объясняетъ слово континна отъ Лат. continere: puto ab eo quod est continere continas esse vocatas. Иные производили это слово отъ *Гонтъ*—Schindel (*Карамзинъ*. II. Г. Р. I. 68. *Бартольдъ*, ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ *конъ-конецъ*, думали, что онъ стоялъ на концахъ города, или-же съ *конъ-законъ*, воображали, что онъ былъ мѣстамъ храненія законовъ (*Wiener Jahrbücher*. XXVII 90. *Ракоецкій*, *Prawda Ruska*. Warsz. 1822. I. 113—114). По моему мнѣнію, contina-concivae то-же,—что Старослав. кѣтина—Поль: kęcina: корень—кѣтъ (куть, уголь); отъ него Старослав. кѣща, Серб. куѣа, хрт: коча (домъ),—срав. Нем. katschen. Такъ и *храмъ*—*хоромъ* (домъ, клѣтъ).

³ *Эббо*. 64. 97.

лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третью, что на востокъ, меньшій и никому недоступный, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ нѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзьбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри-же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ изъ нихъ парѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ. . . Въ храмѣ хранятся священныя знамена. . . Сколько краевъ (regions) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомянутый городъ повелѣваетъ всѣмъ имъ¹. Тотъ-же самый храмъ, но позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—столица идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Редигасть (Радигасть, Радагастъ). Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту, но по нему идти позволено только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это въ знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. Отъ Гамбурга до Ретры четыре дни пути»². О храмѣ Ретрскомъ упоминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту—очень славнымъ³. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирциановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Руягъ, замѣчая знаменитость его и богатство⁴. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской Исторіи Саксона грамматика:—«Городъ Аркона—лежитъ онъ—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной за-

¹ *Титмаръ*. VI, 17—18. Прибавка выраженія: quæ nulli facile patet o восточ. входъ сдѣлана по Брюссельскому списку, слѣдуя мнѣнію *Гизебрехта*, *Wend. Geschichten*. Berl. 1843. I. 69.

² *Адамъ Брем.* II. 65. *Гельмольдъ*. I, 2.

³ *Гельмольдъ*. I, 21.

⁴ *Гельмольдъ*. I, 36, 38, 52, 71, 83. II, 12.

пцтой—утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ зашщентъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый впрочемъ не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнутъ кумиръ. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей; внутренняя—изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовидъ), а подлѣ него были узда, сѣдло, мечъ и пр.... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядвей, то уналъ на близкую стѣну, такъ что надобно было ее вырубливать, чтобы вытащить его изъ храма. Весь храмъ былъ увѣнанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ... Тому-же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Ружевита, на томъ-же островѣ Руяни:—«Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, онъ былъ положъ жилищъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ не уналъ-бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не

• Саксо грам. 822, 823, 826, 837.

пмѣя стѣнѣ, завѣшена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однихъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покроя, то любовный идолъ Рујевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ»¹. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокѣ². О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хронграфъ Саксо³. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамбергскаго. Такъ Сефридъ рассказываетъ, что въ Гуцковѣ, у Цирипановъ, былъ храмъ удивительной величины и красоты; такъ Эббо говоритъ о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ и Юлнѣ, а Андрей—о храмахъ Юлинскомъ и Гавельбергскомъ⁴. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Браниборѣ намекаетъ Пулкава⁵ и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительно извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры.—Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части—переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю—иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Рујевитова храма какъ особенность, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлично отъ храма Святovidова, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣнія, потому что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если-же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было, конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Арконскомъ храмѣ Святovidа: идолъ нерерубленный по лядвеямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ немъ самомъ вышины отъ головы до середины лядвей. И хотъ идолъ

¹ Саксо грам. 841—842.

² Саксо грам. 842—843, 763.

³ Хронографъ Саксо подъ 1148.

⁴ Сефридъ. 136. Эббо. 37. 73. 80. Андрей. II, 15. III, 181.

⁵ Пулкава, Chronicon подъ 1156. Добнеръ, Monumenta Bohem. III. 167.

былъ выше человѣческаго росту, положили такъ-же высокъ, какъ и идолъ Рујевита, т. е. до пяти аршинъ¹, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую упалъ, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все-же не лѣзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстояніи были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксо грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ. При томъ и самъ Саксо, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣну, а на близкую стѣну (*proprinquo parieti supina incidit*), тѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли². Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а во кругъ него расположены были другіе идолы и священные вещи. — Передняя часть храма, окружающая святилище, была вѣроятно гораздо пространѣе. Стѣны, ее окружавшія, были украшены рѣзными изображеніями священныхъ предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровыми тканями, — и рѣзба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на внешней, рѣзба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающеюся изъ стѣнъ, выпуклою (*sculpturas de parietibus prominentes*). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насекомыхъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными мѣрами. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на внешней сторонѣ стѣнъ храма Ретрекаго; легко впрочемъ можетъ быть, что подъ выраженіемъ «рукотворные боги (*dii manufacti*)», подобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Не всѣ храмы были окружены прочными стѣнами: нѣкоторые, подобно Рујевитову въ Кореницѣ, состояли изъ однихъ колоннъ, и завѣшиваемы были тканями снаружн, такъ-же какъ внутри ими закрывалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ внешней

¹ Саксо грам. 823. Смотри ниже объ идолахъ.

² Подъ словами: *ante et circum* Саксо г. понималъ одно и то-же. Саксо грам. 837. 838.

части храма поднималась кровля, которая также бывала раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся внѣшность храма представлялась пестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, что-бы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на сколько-нибудь поднималась надъ серединою храма, то надобно думать, что поперечныя балки или отъ внѣшнихъ стѣнъ или колоннъ только до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю, — и, легко можетъ быть, окапчивался иногда чѣмъ-нибудь въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, имъ описанныхъ, подъ которымъ стоялъ идолъ, и объ отверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о пастройкахъ въ немъ сдѣланныхъ для наблюденій восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священные звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовалъ въ Силезскомъ городѣ Любусѣ (Leubus) храмъ, относимый знатоками къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помещались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола¹. Съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о внѣшнихъ храмовъ. Они не могли впрочемъ быть слишкомъ низки: иначе-бы, конечно, не могли казаться величественными, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низость была-бы кѣмъ-нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршинъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Рујевиновомъ храмѣ: когда его разрушали

¹ *Blumhng, Wöchentl. Nachrichten.* III. 198 и слѣд.

то стоило только сорвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобы подлѣ сдѣлался виденъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая-же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галереи для тѣхъ, кто наблюдалъ небесныя явленія или производилъ священныя звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, не лѣзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собою разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гудковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокими должны были быть и храмъ Юлискіи, потому что въ немъ хранилось конье на вершинѣ столба удивительной вышины (*mīrae magnitudinis*)¹.—Храмы строились большею частію изъ дерева: такъ изъ дерева были построены и храмъ Ретрскіи, и храмъ Арконскіи, и другіе. Это очень естественно; потому что всѣ Славяне издавна были мастера къ постройкамъ деревяннымъ, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и ранѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того однако, что о некоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что всѣ Славянскіе храмы были деревянные. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами несчастные духи спосили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ искать на Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ развалины, которыя-бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнѣ храмовъ. Между Арабами также носились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ют-

¹ Эббо. 37. Андрей. II, 15. III, 9. Гизебретъ, ib. II, 281.

роботѣ были еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческій, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ солнечнаго восхода¹. Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любусѣ были храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ². Кладбищенская церковь на горѣ Мартинской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ³. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобные остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германцевъ; но ни мѣстности, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свѣденія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія⁴. Не лѣзя тутъ онустить изъ виду и развалины древнихъ замковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчаемъ въ Рудныхъ горахъ, Исполнахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ Придунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. И если строились въ то время каменные замки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ язычниковъ Славянъ есть и свидѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр.⁵. Не смотря однако на все это, не лѣзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самые богатые храмы были строены изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе.—Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, на которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, не лѣзя забыть того, что храмъ Ретрскій, по словамъ Титмара,

¹ *Діаконъ Ганнеманъ у Визнера, Die Tempel etc. 63—64.*

² *Бюшингъ, ib. 200.*

³ *Клеммъ, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. 342.*

⁴ *Гриммъ, Deut. Myth. 57—77.*

⁵ *Эббо. 63. Несторъ. 23.*

воздвигнуть были на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣльваемы были въ священныя чашы, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго; рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Святовида, какъ рассказываетъ Саксо грамматикъ¹; рогъ употребляется до сихъ поръ для гаданій Лужичскими Сербами и Хорутанами; рога находятъ въ городищахъ: все это вмѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религіозно-символическое, и только какъ символъ клался въ основаніе храма, а не какъ дѣйствительный фундаментъ, который былъ-бы слишкомъ непроченъ. — Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Святовидовъ, съ запада были два входа въ храмъ Ретрскій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, ведшій къ морю, никому не былъ доступенъ. Востокъ считался не одними Славянами страной къ которой долженъ обращаться человѣкъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой, которая, такъ-же какъ и храмъ, была украшаема рѣзными раскрашенными изображеніями. Было-ли что въ дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ впрочемъ предполагать, что было. Такъ думать заставляетъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли своихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гаданія конями. Кроме того, храмы бывали богаты разными драгоценностями, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя накапливаясь не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось пищество, которое не могло всегда и для всѣхъ совершаться подъ открытымъ небомъ: для того и для другаго должны были быть при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и были при Штетинской контингѣ Триглава три меньшія континны: полагаю, что онѣ всѣ были на одномъ

¹ Эббо. 105 Саксо грам. 823.

дворѣ. Притомъ-же, многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ храма—и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предположить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣскольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго'.—Не лѣзя опустить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній—и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Ретрскаго у Титмара, и храмовъ Руянскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бывали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападений, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрестные жители находили убѣжище, строя въ нихъ для себя временныя жилища, какъ знаемъ о Кореницѣ. Не мудрено, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священномъ, ненарушаемомъ убѣжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подъ защиту бога, въ немъ поклоняемаго².

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и внѣ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ нѣснѣ «о великомъ пораженіи» въ Кракедворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подъ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фонцлана, что Русскіе кунцы въ Итилѣ поклонялись идоламъ подъ открытымъ небомъ³. Тѣмъ не менѣе, идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать безъ разнаго рода изображеній божествъ⁴. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ, и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ.—Они были не только изваяныя, по

¹ Саксо грам. 843.

² Гельмольдъ. I, 83.

³ Несторъ. 23, 34. Кракедв. рпс. VI, 42—45. Ибнъ-Фонцланъ. 7—9.

⁴ Титмаръ. VI, 18. Гельмольдъ. I. 83.

и рисованныя. Объ изображеніяхъ божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами¹. У Яровита были свои знамена, какъ воспоминаетъ Эббо². Имѣли ихъ и Святovidъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица³. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отлично по величинѣ и по цвѣту, и почитаемо народомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Нося его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское, и все считали себя дозволеннымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ пенатовъ Руянскихъ разрушать и сжигать, — и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти Княжеской»⁴. Изъ того, что изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія и на деревѣ; притомъ-же, какъ были раскрашиваемы изображенія рѣзныя, такъ могли быть раскрашенные изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Оттона Бамберскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на вѣнцѣхъ сторонѣ стѣны храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на вѣнцѣхъ и внутренней сторонѣ стѣны храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дышавшими

¹ Титмаръ. VI, 17. VII, 47.

² Эббо. 71.

³ Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангига», производя отъ стагъ (ср. Нѣм. Stange); читая «станига» можно его сравнить съ Срб. «застава».

⁴ Саксо грам. 830—831.

и живыми¹. О такого-же рода изображенійхъ говоритъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравы, а подъ лѣвою черныя вороны и другія подобныя птицы; тамъ-же были и странныя изображенія Абиссинянъ и Эфіопянъ»². Безъ сомнѣнія, всѣ такіа изображенія изгълн отношеніе къ мнѳологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежатъ Масуди. «Въ храмѣ, стоявшемъ на Черной горѣ есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ налицу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ-же надъ морскимъ заливомъ есть большой куполъ и подъ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ — зеленого хризолита, краснаго рубина, желтаго сердолика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червонаго золота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву»³. Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фоцланъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицомъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканы»⁴. Столъ-же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И начаше княжити Володимѣръ въ Кіевѣ одинъ, и постави кумиры на холму вѣдъ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусть златъ, и Хъresa Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь... И пришедъ Добрыня Новугороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»⁵. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католиковъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру,

¹ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 822 Сефридъ. 105—106.

² Масуди. 320.

³ Масуди. 320—321.

⁴ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

⁵ Несторъ. 23, 34.

онъ заставляеть ихъ сказать, — что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а бози ваши древо суть». Тѣ-же слова говоритъ у Нестора и Варягъ, котораго сынъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «не суть бо бози, но древо»¹. Потомъ Несторъ рассказываетъ, что Владиміръ, принявши крещеніе и возвратясь въ Кіевъ, «повелѣ кумиры испроверженіи, овы осѣщи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневѣ ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручан, VI мужа пристави тетѣ жезлемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщанье смѣлъ образомъ челоувѣкъ, да възмездѣ прииметь отъ челоувѣкъ... И привлекше вринуша и въ Дѣбѣръ. И пристави Володимѣръ рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣванте іего отъ берега, доидеже пороги проидеть, то тогда охабитесь іего... И постави (Володимѣръ) церковь св. Василѣя на холмѣ ндеже стояше кумпръ Перунъ и прочии»². О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ пѣвѣтіе лѣтописъ Новгородская:—«Пріиде къ Новгороду Акимъ Архіепископъ Корсуныинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужн волочаху по кагу, бующе жезліемъ, и заповѣда шкочужь шгдѣ же не пріяти. И се нде Пидибляинъ рано на рѣку, хотя горницы везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ береговѣ, и отрину его шестомъ»³. О разрушеніи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Аврааміемъ упомянуто въ Прологѣ⁴.—Идоламъ поклонялись и Поляки: Длугосъ упоминаеть о святилищѣ идолослуженія въ Гітѣнѣ и объ идолѣ дѣваны, а Бѣльскіи—объ идолослуженіи въ храмѣ Краковскомъ⁵; изъ Титмара знаемъ объ идолослуженіи въ Коло-

¹ Несторъ. 35—36.

² Несторъ. 50.

³ Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вѣст. II. 110—111.

⁴ Карамзинъ, Н. Г. Р. пр. 291. О словѣ кумиръ см. Добровскаго Грам. Слав. I. 269—271. *Копитара*, Glagolita Clozian. Vindob. 1836. 75. (Срав. хрт. куман—пьяница, отъ пьянства покрасившій). *Истуканъ* отъ *истукаю*—шляпаю: *Панва Берында*, Лехіконъ. 1627 чд.

⁵ Длугосъ. V, 9. *Бѣльскій*, Kronika Pol. Warsz. 1829. I. 120.

брегѣ', а изъ жизнеописаній св. Оттона Бамберскаго о Штеттинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и моремъ; а глаза его и губы покрыты были повязкою въ знакъ того, что онъ не имѣлъ понятія о грѣхѣ. Одинъ изъ идоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребренны, а повязка золотая и пр.² — Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козлиныя³. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣденій; у Козьмы Празскаго есть только общій намекъ о существованіи идоловъ⁴. — Самыя любопытныя извѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Видукиндъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, вылитомъ изъ мѣди⁵. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Редигостскаго — говоритъ Титмаръ — стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ наръзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичъ». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его сдѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани⁶. Хронографъ Саксо упоминаетъ объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава о треглавомъ идолѣ Браниборскомъ; Гербертъ о множествѣ идоловъ Браниборскихъ; Эббо о Яровитѣ Гавельберскомъ, давая мимоходомъ намекъ, что идолъ этотъ имѣлъ свои собственные одежды; Андрей объ огром-

¹ Титмаръ. VII, 52. Польское названіе идола balwan (слово, впрочемъ, известное почти всемъ Славянамъ) сравнено Шафарикомъ съ Келт. словомъ penlwan Slow. Staroz. 324. Сравни. Лит: balwonas и Мадьяр. balvany.

² Сефридъ. 106. Эббо. 64. Анонимъ Сантакруц. II. 12. -

³ Вацерадъ, ib. 227.

⁴ Козьма Праз. 10. Чешское названіе идола modla Юнгманъ производитъ отъ modella (Slownik. II. 481). Чешское Слово malik (мизинецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола manleika (Ahd: manalihho): каждому Славянину очевидна неправильность сравненія; впрочемъ Хорут. слово malik (чертъ) идетъ въ сравненіе. Гриммъ, Deut. Myth. 93.

⁵ Видукиндъ. III. 68.

⁶ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем. IV, 47.

ныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гущковского; Гельмольдъ объ идолахъ Радагаста, Святовида, Подаги и пр., замѣчая притомъ, что идолами и пелатами были полны все города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ объ идолѣ Ростокскомъ и объ идолахъ Руянскихъ¹. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идолѣ Святовида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, истуканъ, съ четырьмя головами на столькихъ-же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налево; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руянъ. Въ правой рукѣ идолъ держалъ рогъ изъ различныхъ металловъ, который ежегодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнями, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узда и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе-же всего наблюдателя изумлялъ огромной величины мечъ, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзбы, отличались прекрасною серебряною отделкою². Изъ идоловъ Кореницкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идолъ Рујевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подъ однимъ черепомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь-же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, выпутый изъ ноженъ, идолъ дер-

¹ *Хронографъ Саксо* подъ 1148 г. *Пулкава* подъ 1156. Грамота Герберта у *Гергена*, Codex dipl. Brand. V. 1114. стр. 342. *Гельмольдъ*. I, 2, 6, 21, 23, 36, 71, 83. II, 12 *Саксо грам.* 763. *Эббо*. 179.

² *Саксо грам.* 823—824.

жалъ ногою въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человѣческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсалонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ¹ — слѣдовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, но безъ оружія; идолъ Порепута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка². Книтлинга-сага, давая Кореницкимъ идоламъ названія Ршивита, Туруннда и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руянскихъ идолахъ Пизамара и Чарпоглава, и называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говоритъ, что онъ изображался съ серебряными усами³. — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ; [потому что идоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, и описаній идоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находимъ у Ботона, въ *chronica picturata*, нельзя не считать безсмысленной поддѣлкой⁴.] — Припоминая сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими⁵. Они были разнѣй величины, и небольшіе и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; нѣкоторые же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра,

¹ Саксо грам. 842.

² Саксо грам. 843.

³ Книтлинга-Сага. 122. стр. 350.

⁴ См. о нихъ А. Г. Мама, *Die gottesdienst. Alterthümer der Obotriten*. Berl. 1771. *Beiträge*. Schwerin. 1774. *Номоцкаго*, *Voyage dans la Basse-Saxe*. 1794. *Левцова*, *Ueber die Aechtheit der sogenan. Runendenkmäler*. Berl. 1835. *Булгарина*, *Россія*. СПб. 1837. *Исторія* I, 225 и слѣд. Вышеки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у *Нарушевца* (*Hist. Pol. nar. I. Warsz.* 1824. 313—496, гдѣ помѣщенъ Словарь мѣологін Слав.) и *Гануша* (*Die Wissenschaft des Slaw. Mythus*. Wien. 1842), которые безъ всякой критики пользовались ими, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и *Ниселмана* *Grundriss der nordslavisk Gudelare* (Нѣм. переводъ въ *Neue Provinzialblätter* IV. 119 и слѣд.), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.

⁵ *Гельмольдъ*. I, 52.... *penates, quibus agri et oppida redundabant*. Не позволю себѣ рѣшить, что тутъ должно понимать подъ *penates*.

золота, а если вѣрить преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней; — и сдѣланы были съ искусствомъ, могшимъ изумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идоловъ имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами, или съ нѣсколькими лицами; но, кажется, все имѣли типъ человѣческой. Они рисовались въ одеждахъ, частью рѣзной изъ дерева или литой изъ металла, частью сшитой изъ тканей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ ихъ. Идоламъ придавали болѣею частью стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдалища или лежа. — Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ: — «Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перунѣ бѣсть, и начатъ кричати: охъ миѣ, охъ! и плыва внизъ вверже налицу на мостъ: еще кто не крещеніи поминайте и бойтесь безуміи человѣци, на мосту семъ»¹. Такъ и Саксо грамматикъ, рассказывая о разрушеніи святилища Святovidова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ уналъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образѣ чернаго звѣря².

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Все эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по извѣстнымъ, все онѣ носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воннственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторые изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управлявшаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрекомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцири и племы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный, и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца,

¹ Лѣтописецъ. М. 1781. 34.

² Саксо грам. 838. Сравн. Андрел III, 9.

храпящееся въ Монбизжу, въ Берлинѣ, имѣеть то-же видъ щита¹. Геннипо принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащею желѣзный обручъ; Перунъ имѣлъ свою палицу². Идолъ Рујевиѣа воору-женъ былъ восемью мечами; между принадлежностями Святовида былъ также мечъ. При гаданьяхъ, какъ увидимъ ниже, употре-блялись копыя; въ Юлнѣ какъ святость хранилось копые на высотѣ большого столба³. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторымъ изъ боговъ посвя-щены были кони, по которымъ совершали гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святовида, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись въ войнѣ⁴.

Храмы, священные для поклонниковъ какъ мѣста идолослуже-нія, требовавшіе издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязатель-ными. Они имѣли собственныя свои поля и земли⁵, можетъ быть и своихъ работъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военнопленныхъ, положенною данью съ народа, пощипною съ промышленниковъ и торговцевъ, на-конецъ данью покоренныхъ народовъ.—Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ⁶. О дарахъ обще-ственныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрскому молились Лю-тичи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи вой-ны приносили ему должныя дары⁷. Въ примѣръ частнаго дара можно привести драгоцѣнную чашу, подаренную Святовиду Аркон-скому Датскимъ королемъ Свеномомъ⁸. Въ храмахъ Славян-скихъ бывали и вкладныя ящики, въ которые поклонники бро-

¹ Эббо. 60. *Leдебуръ*, Die Königl. Museum im Schl. Monbijou. Berl. 1838. 23—24.

² Титмаръ. VII, 50. *Летописецъ*. М. 1781 34.

³ Андрей. III, 9.

⁴ Саксо грам. 830.

⁵ Саксо грам. 825, 834.

⁶ Саксо грам. 826.

⁷ Титмаръ. VI, 17.

⁸ Саксо грам. 825—826.

если то, чѣмъ желали почитать свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббо и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда'. — Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святовидѣ имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу². Саксо грамматикъ говоритъ еще о третьей доль военной добычи, а Сефридъ о десятой доль, какъ собственности храма³. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоценностями, которыя набирали во время походовъ. Изъ него-же узнаемъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупали плѣнныхъ⁴. — Кромѣ этихъ приниженій произвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаемъ, были и непроизвольныя, которыхъ храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань пародная: каждый, и мужчина и женщина, долженъ былъ въ годовой праздникъ Святовидѣ дать монету⁵. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Святовидѣ Арконскаго и Радагаста Ретрсакаго⁶. Кромѣ того торговцы, если желали что покупать или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, что-нибудь драгоценное. Купцы, занимавшіеся сельдиной торговлей, должны были также, прежде начатія закупи сельдей, принести законную дань Святовиду⁷. Самые покоренные народы обязаны были платить дань божеству: таковъ былъ обычай, по крайней мѣрѣ, у Рулигъ въ отношеніи къ храму Святовидѣ⁸. — Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накопились сокровища, удивлявшія

¹ Эббо. 56. Кирхбергъ. 53 (Jahrbücher für Slaw. Literatur. 1843. 405).

² Саксо грам. 825.

³ Саксо грам. 825. Сефридъ. 105.

⁴ Гельмольдъ. I, 38.

⁵ Саксо грам. 825.

⁶ Гельмольдъ. I, 21.

⁷ Гельмольдъ. I, 6. II, 12.

⁸ Гельмольдъ. I, 36.

современниковъ, что храмы имѣли средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоцѣнные камни и ткани, различныя прекрасныя венцы. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обряды богослуженія.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ: О ЖРЕЦАХЪ И ИХЪ ВАЖНОСТИ ВЪ ЖИЗНИ И БОГОСЛУЖЕНІИ.

Пошлые вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благодѣль, Славяне разными способами старались выразить передъ ними свое благоговѣніе и покорность, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Они молились имъ, приносили жертвы, посредствомъ гаданій старались узнать ихъ волю и свое будущее: молитвы, жертвоприношенія и гаданія составляли три главныя части богослуженія языческихъ Славянъ. Богослужебные обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященныя въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще нельзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій, существовало также повсюду. Къ тому-же, всѣ Славяне сохра-

или или преданія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительно одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религіи народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтійскихъ и Чешскихъ Славянъ. — Составляли ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятія о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду¹. Если народъ и участвовалъ въ избраніи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанія избраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участіе другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованіи жреческой іерархіи: современники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ высшихъ разрядовъ отъ жрецовъ высшихъ. Особенно ясно отличается это Саксо грамматикъ, замѣчающій, что храмъ Арконскій былъ подъ вѣденіемъ высшего жреца, а другіе храмы, посвященные тому-же Святovidу, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти². Если жрецы и не составляли касты, то все-же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священническая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ налицу³. Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства,

¹ Титмаръ. VI, 17

² Саксо грам. 826.

³ Саксо грам. 824. Сефридъ. 128. Эббо. 79. и пр. Марескалкъ Тюр. Annal. Herul. IX. (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844 95—96).

предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли мѣстными, владѣли богатствами¹. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Руанѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь²: не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ, на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народомъ; они были главными посредниками между божествомъ и человекомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища очищать его³. Жрецы заботились о священныхъ коняхъ, одинъ могъ пасти ихъ и садиться на нихъ⁴. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена, и всѣ богатства храмовъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ Титмаръ и Саксо грамматикъ⁵. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ молебникамъ съ увѣщаніями. Примеромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникъ Святовида: при концѣ богослужебнаго обряда жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога, и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая вѣрною наградою за богопочитаніе побѣды на сушѣ и въ морѣ⁶. Что такія увѣщанія были и при другихъ случаяхъ, хотъ и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего наставляли народъ оставаться при вѣрѣ предковъ⁷. Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Святовиду въ Арконѣ⁸;

¹ Эббо. 65, 76. Сефридъ. 128, 158. Гельмольдъ. I, 83. II, 12.

² Гельмольдъ. II, 12.

³ Саксо грам. 826.

⁴ Саксо грам. 826. Сефридъ. 109.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 825.

⁶ Саксо грам. 825.

⁷ Эббо. 65. Сефридъ. 128.

⁸ Саксо грам. 824.

такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видимъ изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣніе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшія свѣдѣтельства, упоминающія объ участіи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходились въ храмъ умолять гнѣвъ боговъ, и, совершая гаданія, поочередно шептали тайныя слова—безъ сомнѣнія — молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженія въ храмѣ Арконскомъ, рассказываетъ, что жрецъ, наклоня рогъ свѣжимъ виномъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣды¹. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ—и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмѣ Ретрскомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву закалалъ жрецъ, и по закланіи шлѣ ея кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христіанина, на котораго падалъ жребіи². Что жрецъ былъ жертвоприноситеlemъ, это показываетъ самое его названіе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ³. Другое названіе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «колдунъ»: для объясненія этого слова, кромѣ многого другаго, слѣдуетъ и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчіи «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдоваѣць»—жрецъ, а «калдовница» или «калдовнише» —жривенникъ⁴. Жрецы были и гада-

¹ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 824.

² Титмаръ. IV, 17—18. Гельмольдъ. I, 52. II, 12.

³ Жрецъ отъ жрѣти. См. ниже примѣчаніе о словѣ: жертва. стр. 84.

⁴ Гутсманъ, Deutsch-Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчіяхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Нѣм. Kaldaunen). Славянскій корень есть: клѣд=колд=калд=клуд=куд (какъ тѣк=толк=талк=тук и пр.). Кладити=клидити въ Чеш. значитъ очищать, собирать жатву, - успокоивать, - отнимать, уничтожать (mnoho lidi klidi). Кудити въ Серб. значитъ — произносить бранныя слова, заговаривать, - презирать, - удалять). Тутъ смѣшаны два корня — куд=клѣд и куд=кужд (кут). Отъ втораго

телямъ, истолкователямъ пророчаній: Несторъ рассказываетъ о волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская о ворожеѣ, пророчившей побѣду Владиславу Тонконогому; писателю св. Оттона Бамбергскаго о жрецѣ, совершавшемъ гаданія конемъ въ Штетинѣ, о ворожеяхъ и жребіеметателяхъ, которыхъ имѣть запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ говоритъ о жрецахъ, гадавшихъ жребіемъ и конемъ; Гельмольдъ—о важности жреца Арконскаго, какъ истолкователя гаданій,—объ обычаѣ жрецовъ пить кровь жертвы для того, что бы одушевить себя сплюю пророческой, и пр.; Саксо грамматикъ—о томъ, что жрецъ гадаетъ объ урожаѣ будущаго года по вѣну, наливаемому въ рогъ Святovidовъ, и совершалъ гаданія конемъ; Козьма Пражскій—о книгѣ Любушъ какъ о прорицательницѣ,—еще объ одной вѣщунѣ, совѣтовавшей исполнить волю боговъ для одержанія побѣды,—о томъ, что князь Брячиславъ изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадателей, жребіеметателей; писня Кракедворской рукописи «о пораженіи Татаръ» поминаетъ о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздочетахъ и кудесникахъ», гадавшихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ—о «гадачахъ, пророкахъ, птицегадателяхъ, вѣщцахъ, волхвцахъ и волхвицахъ», и пр.¹ Изъ всего

корня въ Срб. происходятъ слова: *куѣеник* (ругатель) *куѣеније* (клевета); въ Хрт: *кудити* (бранить), *кујати* (дуть, дышать, шептать?); въ Чеш: *кудити* (бранить), *кудолъ* (густой дымъ; срав: *чуд-запахъ*), *кузѣло* (чара), *кузлити* (чаровать), *кузелникъ* (кудесникъ), *наскуда* (нечистота), *наскудити се* (ругаться, ссориться), *наскудник* (*gheuma*); въ Поль: *наскуда* и пр., въ Рус: *кудо-кудеса* (срав: чудо, щудо), *кудесникъ*, *куделаръ*, *скудный*, *наскудитъ*, *прокудитъ* и пр. — В. С. Караджичъ, Срп. Рѣченик. 349. Ј. Ступли, Rjecoslozje. Dubrawnik. 1806. I. 364. Ярникъ, Etymologik. 152. Мурко, Slov. Ném. Besednik. Gracze. 1833. I. 153. Юнгманъ, Slownik. I, 321 II, 40, 216. III, 37. Линде Slownik. II. 641.

¹ *Литписецъ*. М. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у Вишневскаго, Hist. Liter. Pol. I. 274 — 275. *Сесфридъ*. 109. *Титмаръ*. VI, 17. *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12. *Саксо грам*. 824, 827. *Козьма Праж.* 11, 20, 27, 197. *Кракедвор. рцъ*. III, 47 — 60. *Вацерадъ*. 212, 222, 223, 229. Значеніе слова *птицесъ* понятно. О словѣ *Кудесникъ-Kouzedlnik*, см. выше. Что же касается до слова *волхвъ* (вѣлхвъ-вѣлхвътъ), то Копитаръ производитъ его отъ «вѣлхнѣтъ»

этого видно, какъ разнообразна была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрекли себя на жизнь цѣломудренную — или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою сѣмейную жизнь: вспомнимъ, что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жреческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

МОЛИТВЫ СЛАВОСЛОВНЫЯ, ПРОСИТЕЛЬНЫЯ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ.
МОЛИТВЫ-ПѢСНИ.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самаго божества, не лѣзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молящія выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные.—Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи во время праздника Коляды упомянуты, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамыи вокругъ огней, на которыхъ сидѣли молящія, окружал старика жреца';

(въязыщеніи языци—linguae balbutientes Glagol. Cloz. 69.). Въ Блг: нар есть до сихъ поръ *волхвъ*=*вохвъ* (прорицатель) и *волиина* (брань); въ Хрв: есть *вухвецъ*=*вуховецъ* (python) и *вухвица* (pythonissa). См. *I. Блостенца*, *Gazophylacium Latino-Illic.* Zagrab. 1740. I, 1005. II, 588. Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг.) губерніи есть *волхатъ* (колдунъ) и *волхатка* (ворожея); въ Мрус. есть *волиити* (хитрить). Въ Лаврент. спискѣ Нестора стоитъ «Волѣхве» (выш. пад. «Волѣхи») вмѣсто «Волохове» другихъ списковъ. *Несторъ*, ib. 10-11. Пѣсню о чародѣѣ Волѣхъ Всеславьевичѣ см. въ *Древ. Рус. Стихотвор.* 45.

¹ *Снегиревъ*, Рус. прайд. II. 69.

можетъ быть, такъ и было иногда, впрочемъ изъ Титмара узнаёмъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ храмѣ сидѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли¹. Служитель храма Святovidова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осеннимъ, старался не дышать въ немъ, и всякій разъ какъ хотѣлъ вздохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ². — О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, замѣчая, что имъ выражали Русскіе свое смиреніе передъ богомъ³. То-же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаёмъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаній св. Оттона. Онъ описывалъ, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показывалъ одному поселенцу въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображая, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ⁴. Въ Кракедворской рукописи въ томъ-же смыслѣ употребляются выраженія: «*klanięti se bohom*» и «*biti v czelo przied bohu*», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ⁵. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ, «*поклѣшатисѧ*», значитъ «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ *rokłon* стар. *rokłona*, значитъ то-же что русское «поклоненіе»⁶. Польское выраженіе «*czołem bić*», Чешское, «*čelem bití*», употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать»⁷. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикасаться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающій уваже-

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 824.

³ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

⁴ Эббо. 78. Сефридъ. 129.

⁵ Кракедвор. рпс. VI, 13, 39, 40.

⁶ Въ Остромир. Еванг.: поклонници поклоняться отьцоу (л. 31). = Vulgat: adoratores adorabunt patrem. Słownik Polsko-francuz. Berlin. 1844. стр. 1632: Właściwy pokłon samemu Bogu ma być oddawan.]

⁷ Ланде, Słownik. I, 375. Юнгманъ, Słownik. I, 273.

ніе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбодка пятого его лица, лежавшаго на груди: по остроумной догадкѣ Тиверія, это пятое лицо, на груди, было образомъ молитвы поклонниковъ, услышанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говоритъ, незабытомъ Славянами и до сихъ поръ¹.

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ—молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Такъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воишпромъ, «prokni ida kol obieti bohom slauu hlasase i zachazeie zezwucie ne meskase»². Въ Русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «Славень есь, гей, славень есь, нашъ милій Боже, на высоти!» или «благословень еси, господь, благословилъ сыновъ своихъ»³! Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсню, «за славе божіе»⁴. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Катавичи и Свеара славословная пѣсня въ честь бога Лада: «Леш Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушај нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше клапјамо ти! Ладо, слушај нас, Ладо»⁵.—Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грам-

¹ Тиверій, Historia rit. Slav. Lusat. infer. V. § 3.

² Краледвор. рнсѣ. IV. 169—170.

³ Сахаровъ, Сказанія Рус. нар. Кн. III, и Снегиревъ, Рус. праздни. IV, 65, 70, 85. Бирецкій, Колядки. № 34, 36, 38. Съ подобными припѣвами собраны и мною колядки въ Венгріи.

⁴ В. С. Караджичъ, Српске пјесме. I, 96. № 156.

⁵ Свеаръ, Ogledalo Illirium. Zagreb. 1839. 14. Катавичъ, Specimen philologiae et geographicae Pannoniorum. Zagrab, 1795. 112.

матика'. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяину съ борзыхъ коней сыновей женить,—дай, дай, Боже, тебѣ хозяйшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать» или: «Роди Боже жито, пшеницю, усяку пашницю, усяку пашницю, унолю ядро, а въ домѣ добро»³. Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй-же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра³. Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryła psenica i groch, w komorze, w oborze, dej ci Panie Boze»⁴! Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «daj Bože štastja, daj Bože dolju» или: nek was pan Buoh obohati»⁵. У Хорутанъ поется: «Bog daj wedro!» или «Bog potoci swoje kolo na naše stodole in na naše pole»⁶. Сербы молятъ Бога чтобы опъ сіялъ: «сјај, сјај, Боже, и божитѣју, нашему господару»⁷. Такія-же пѣсни-молитвы пѣлись и въ праздникъ Купала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсенъ, гдѣ поется:» Bog daj, Bog daj dobar večer, dobro leto! mi smo nosaj k vam pr'tekli, dobar večer smo pr'nesli, dab vam rodilo žitno pole, winske gore»⁸! О молитвахъ, сопровождавшихъ освященіе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно даютъ и

¹ Козьма Праз. I, 10. Прокошъ. 113. Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 824, 826. Краледвор. рсѣ. IV, 146.

² Сахаровъ. ib. 11 и слѣд. Снегиревъ, ib. II, 65, 70, 85. Паули, Piesni ludu Rus. I, 10:

³ Бѣрежскій, Колядки. № 1.

⁴ Паули, Piesni ludu Pol. 9—10.

⁵ Коларъ, Zpiewanky. I, 409.

⁶ Корытко, Pesme Kraïnskiga naroda. I, 19.

⁷ В. С. Караджичъ, Срп. Рѣченик. 40.

⁸ Корытко, ib. I, 91.

ядять»¹. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождалсь всегда молитвами, равно и гадающа. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянннхъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣянія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожаѣнію, свидѣтельствъ современниковъ и преданій объ нихъ слишкомъ мало. Больше знаемъ о жертвоприношеніяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи, при совершеніи благодарственной жертвы за побѣду, каждый изъ воиновъ, проходя мимо, возглашалъ богамъ славу, и въ этомъ словословіи, конечно, благодарилъ ихъ. Многія изъ молитвъ словословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными².

Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «hlasati milich slow» и просто «hlasati» значить молиться³; вотъ почему тамъ-же читаемъ, что Воишпиръ, обращаясь къ богамъ, «wzuola s skali hlasem w lese hlucznim, z mocna hrrdla uola k bohom tako, i wrtsiasu sie druа sira lesa»⁴. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ что пѣсни составляли принадлежность богослужебныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминаютъ жизнеописатели св. Оттона и Длугош⁵. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, нке ест плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскыя и жертвы идолскыя»⁶. О пѣсняхъ-молитвахъ сопровождавшихъ обрядъ га-

¹ Востокова, Опис. русей Румян. Муз. 228.

² Прибавимъ къ этому, что слово «хвала», употребляемое всюду въ значеніи «славы», означаетъ и «благодарность» — не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ. Такъ и слово «дакъ» (дакъ, діка, dzięk) означаетъ «славу» въ нарѣчіимъ югозападныхъ, а «благодарность» въ стверозападныхъ.

³ Краледвор. рпсь. VI, 47, 237.

⁴ Краледвор. рпсь. IV, 132—134.

⁵ Эббо. — Длугошъ, V, 9.

⁶ Востокова, ib. 229.

данія упоминаетъ Краледворская рукопись въ пѣснѣ «о битвахъ Христіянъ съ Татарами»: «vetchimi slouesi nad sim wzpiechu»¹. Въ доказательство-же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенія въ самыхъ храмахъ, служить упоминаніе Масуди о священныхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ². Очень не мудрено, что эти храмовыя пѣсни-молитвы сопровождались звуками инструментовъ, какъ это было при богослужебныхъ пѣсняхъ въ храмахъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоцѣнностями, хранившимися въ храмахъ были и музыкальные рога, какъ свидѣлствуютъ позднеописанія св. Оттона³. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языческой религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «pieuse dobra miluiu bozi»⁴, и другое подобное понятіе, что пѣвецъ Боятъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда что значеніе божественное пѣснѣ у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе⁵.

III.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ: — ВОЗНОШЕНІЯ КУРЕНІЙ И БЛАГОУХАНІЙ, ЯСТВЪ, ОРУЖІЯ, — СОБСТВЕННО ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ: ЖЕРТВЫ ЗАКЛАНІЯ, — ЖЕРТВЫ СОЖЖЕНІЯ, — ПРИНЕСЕНІЕ ВЪ ЖЕРТВУ ЛЮДЕЙ.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними не лзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, бла-

¹ Краледв. рмс. III. 58.

² Масуди. 320.

³ Сефридъ. 105.

⁴ Краледвор. рмс. VI. 57.

⁵ Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названіе *баевъ* = *balievъ* и *гуслровъ* (*incantatores*).

тому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности челоѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилюивать, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеніи не лѣзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено впрочемъ, что и нѣкоторые изъ даровъ принимаемы были съ богослужебныхъ обрядомъ, какъ возношенія, что отчасти уже видѣли мы въ обзорѣниі поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовонія, яства и оружія.

Гриммъ полагаетъ, что сѣвернымъ язычникамъ были неизвѣстны благовонныя куренія какъ жертвы¹. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно нѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысли къ божеству, и совершали его двумя способами, — или просто раскладывали огонь, или сжигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуетъ обычай разложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несовершенство забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или Новогодія и въ праздникъ Куналы или Креса — въ половинѣ года². Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію Лѣтописцевъ, пламя

¹ Гриммъ, Deut. Myth. I. 50.

² Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колядные — болѣе у Славянъ югозападныхъ. Кромѣ того, кое-гдѣ возжигаются огни весною

возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно паляху»¹. Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣлствуютъ жизнеописанія св. Оттона, а также и законченныя сосуды, находимыя въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и янтарю. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Ругѣ) считается священнымъ, въ чемъ не лзя не видѣть остатка языческой старшны. Въ числѣ этого рода возношеній не лзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣлствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, если только подъ названіемъ «гі'нан» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ².

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣлствъ гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ плотовъ проса³. Константинъ Порфирородный, рассказывая о походахъ Руссовъ, пишетъ, что они пріѣзжали къ острову св. Георгія, и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами, и клали туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ⁴. Подробно описанъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Иглия совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждыи идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ паниткомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я пріѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей....И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ

и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

¹ Густинская летопись. 207.

² Ибнъ-Фоцланъ. 15, 107.

³ Масуди. 320.

⁴ Константинъ Порфир. 9.

тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ купца, у котораго было-бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который-бы купилъ у меня все что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торговля его идетъ худо, и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молить ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господя!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи, и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо, и продаетъ всѣ привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; теперь обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ, и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревья, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоволилъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ»¹. О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ и сказанія отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пидибляниинъ, отринувши нестомъ ильвинаго Перуна, говорилъ ему: «Ты, рече, Перунице, досити еси шлѣ и лѣтъ, а нынѣ пловн уже проче»². Въ словѣ Христолюбца говорится: «И тако покладываютъ имъ требы и короуаи имъ лоятъ...моленое то брашно даютъ и лдят...ставятъ лише кумиромъ трапезы котѣиыя и законнаго обѣда иже нарѣцается беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ»³. Въ переводѣ Григорія Назіанзина читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбоу створи на студепци, дѣжда имы отъ него»⁴. Это напоминаетъ о дѣтской

¹ Пбнѣ-Фоцланѣ. 7-9.

² Карамзинъ Н. Г. Р. I. пр. 463.

³ Востокова Опис. р. Рум. М. 229.

⁴ Переводъ Григорія Наз. Библиогр. Листы. 88.

игръ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «ліій, ліій, дожчику! наварю тобі борщичку!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ¹. Что возношенія яствами были въ обычаяхъ и у язычниковъ Чеховъ, въ этомъ свидѣтельствуеъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «krmie bohom—сказано тамъ—давались «w sumrku», и послѣ битвы подобно было «dat pokrm bohowom»². У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весною разныя яства, какъ жертву. Такія возношенія были и у Балтійскихъ Славянъ, и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Оттона Бамбергскаго, происходили ежедневно³. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ праздника Святовида, рассказываетъ, что «жрецъ выпивалъ вино изъ рога, который держалъ идолъ, къ ногамъ его въ возліяніе ему, и наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почтить идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому-же возношенію принадлежалъ и пироги сладкіи, круглыи и такой величины, что въ вышину были почти въ ростъ человека. Жрецъ, поставивъ его между собою и народомъ сиранивалъ у Руни, видятъ-ли они его. Когда они говорили что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совѣтъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію слѣдующей жатвы»⁴. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрыи или богатыи вечеръ (31 Декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, кашней, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затѣливъ свѣчу передъ образами, закутивъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ». Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жъ нашъ батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, сираниваетъ ихъ въ свою очередь: «хиба-жъ вы мене не бачите!», — и на

¹ Дрсв. Рус. Стихотворенія. 226, 339.

² Краледвор. рпсь. IV, 41, 42, 234.

³ Андрей. III, 10.

⁴ Саксо грам. 824-825.

отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говоритъ имъ: «дай-же боже, що-бъ и на той рікъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ'. — Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, не лзя не пожалѣть о ихъ скудности: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были, кажется, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Не лзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокимъ понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько-бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами преклонять на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибигъ-Фонцаигъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христопоца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и пѣсня Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычникъ Славянинъ всякій день желалъ потреблять яства и питія освященные.

Тотъ-же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возносимы были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что ни принадлежало имъ, могло считаться нечистымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говоритъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «tamo k wrchu polrsiebat mrch i dat pokrm bohoom, i tamо bohoom spasam dat mnostuie obieti, a iim hlasat milich slow i iim oruzie pobitih wrahow»². О такомъ-же возношеніи вражескаго

¹ К. Сементовскаго, Замѣчанія 36.

² Краледвор. рпсѣ. VI. 250—255.

оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ¹. Очень не мудрено, что многія изъ этихъ позношеній оставались собственностію храма; но это не измѣняло характера обряда: освященные оружія могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не кѣмъ другимъ, то воинами храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святовита и т. п.

Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Отъ тѣхъ и отъ другихъ нельзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Прокопій, говоря, что Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, что они, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая что этою жертвою спасали себя жизнь². Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще³. Почти въ такихъ-же общихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзіна: «Овъ несжицимъ богомъ жреть. . . овъ рѣкж богынеж нарицаеть и звѣрь живжщъ въ шен іако бога нарицаа трѣбж творить. Овъ дьно жреть, а другиш дивш. . . Овъ моуцныъ скотъ творя оубиваетъ»⁴. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закаланія жертвъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времени былъ замѣненъ другимъ, символомъ закаланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стада на пастбище весною, селяне, празднуя для пастуховъ пиръ, готовятъ къ нему широгъ въ видѣ овна, для того чтобы онъ, какъ жертва Богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берегся у пастуховъ какъ лѣкарство для овецъ⁵. Ясно о жертвахъ закланія

¹ Сефридъ. 105.

² Прокопій. III, 14.

³ Масуди. 321.

⁴ Переводъ Григор. Наз. ib. 88—89.

⁵ Я слышалъ объ этомъ обрядѣ въ Шаринской столицѣ, въ Венгріи.

у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребамн своими и оскверниша кровьюми земля Руска и холмъ отъ»¹. Упоминаетъ о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ своемъ словѣ, замѣчая, что, освѣтившись ученіемъ Христовымъ, «уже не жертвенныя крове вкушающе погибасмъ»². Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаѣ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія³. Изъ писателей иностранныхъ о жертвахъ закаланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Порфирородный и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаетъ о бросаніи жребія о птицахъ, должно-ли ихъ бѣсть, или убить, или живыхъ вынестить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христолюбца: «и куры имъ рѣжутъ», и у Льва Діакона—о приношеніи въ жертву гѣтуховъ при обрядѣ погребенія⁴. Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Русскіе закалывали своимъ богамъ быковъ и овецъ, и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревѣ, воткнутомъ въ землю за идоломъ⁵. Послѣдній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ имѣли обычай—говорить Преторіи—для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадямъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучитъ домовоі, клая лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домового надъ лошадью⁶. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-

¹ Несторъ. 34. *Трѣба* = *потрѣба* (слово, известное и Вацераду. 227) употребляется вообще вмѣсто жертвы. Если впрочемъ взять въ расчетъ Поль. *trzebić* и Луж. *trjebić* = *wutjebać* (кастрировать), то *трѣба* должна означать только жертву закаланія. У Люнебург. Славянъ словомъ *trēba* (*trēwa* = *trīwe*) назывались Рождественскіе святки. Геттингъ, подъ слов: *Weihnacht*.

² Иларіонъ въ Прибав. къ Твор. Св. Отцовъ. Часть IV. 236.

³ Карамзинъ. II. Г. Р. I. стр. 236

⁴ Константинъ Порфир. 9. Востоковъ. ib. 228. Левъ Діаконъ. IX. 6.

⁵ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

⁶ Преторій, *Weltbeschreibung*. II, 162—163.

Фоцланъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку, и разрубивъ пополамъ, бросили въ ладью;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись потомъ, разрубивъ ихъ мечами, и мясо бросили въ ладью; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладью разрубленныхъ; наконецъ взяли пѣтуха и курицу, зарѣзали и бросили туда-же»¹. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «За рѣкою, за быстрою—лѣса стоятъ дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ, огни горятъ великіе; вокругъ огней скамьи стоятъ, скамьи стоятъ дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поютъ пѣсни колѣдушки. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, и онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козелъ стоитъ... Хотятъ козла зарѣзати»². По свидѣтельству Длугоша были въ обычаѣ жертвы закланія и у Поляковъ: въ жертву приносили были овцы, и быки, во время празднествъ, на которыя собирався народъ³. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Ретрскому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнаютъ, какая жертва можетъ быть угодна богамъ, и смиряютъ гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ⁴. Гельмольдъ рассказываетъ объ нихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и разнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія оредѣлялъ празднества, посвященные богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. По закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы понять божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принесли по обычаю жертву, народъ начиналъ пищество»⁵.

¹ Пбнъ-Фоцланъ. 11—29.

✓ ² Снегиревъ ib. II. 69.

³ Длугошь. V, 9.

⁴ Титмаръ. VI, 17.

⁵ Гельмольдъ, I, 52, Сравни. *Анонима Chron. Slav XVIII. Lindenbrag. Scriptores* 211.

Саксо грамматикъ, при описаніи осенняго праздниства Святovidова, не забылъ также замѣтить, что жители острова Руины, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву звѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пиришество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда¹. Объ этомъ ежегодномъ принесеніи жертвъ Святovidу упоминаетъ и Гельмольдъ². У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесенія жертвъ закланія; впрочемъ свидѣтельство Козьмы Пражскаго о немъ едва-ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть: «Чехи—пишеть онъ—предавшия глупымъ суевѣріямъ, боясь неудачи въ войнѣ, обратились къ колдунѣ, и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдунья обьятая пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надѣясь, что этою жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»³. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва-ли это не описка. —Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы: —Эти жертвы возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время праздниствъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда онѣ совершались торжественно жрецами, иногда-же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Чтò должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того чтобы воодушевиться сплюй предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а

¹ Саксо грам. 824.

² Гельмольдъ. II. 12.

³ Козьма Приж. I, 97.

остальное оставалось передъ идолami; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ затѣмъ пируествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніями яствъ, что закалаемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ обрядомъ должна быть освящена, отрѣшана отъ оскверненія: вотъ почему и приносился въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животный употребляемый въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могли повѣрить, что смертію животного можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ приносимое въ жертву не закалалось а задушалось, напр. въ подѣ; вотъ почему могло постепенно войти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ, изъ чего шибудь сдѣланнымъ, или же самый обрядъ закланія замѣнять приношеніемъ въ жертву головы животного. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, которые имѣемъ объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, видно, что жертвы приносятся могли и злomu богу, человѣку враждебному, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Въ всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ шибудь бѣднымъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ. Что и онѣ были очень обычны у Славянъ сѣверозападныхъ и восточныхъ это доказывается остатками находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множествомъ пенла, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Какъ описаніе современное приведемъ здѣсь то, что находится въ иѣсни Краледворскоіи рукописи «о великомъ пораженіи». Честмиръ, отправляясь на войну «*pode wsie drna wzlozie obieti boh*» «*hom*». Воймиръ, одержавши побѣду, «*chtiese obiet wzdati boh*» «*om w siem ze miestie, w siem ze krocie slunce*»; по отложивъ по совету Честмира, и возошлѣ къ богамъ: «*Ne ziarste sie, bozi,*

suemu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slunci». Честмиръ со-
пѣтовалъ ему тогда: «Dluzna obiet bohóm, nece Cestmir; a ninie
nam na wrali pospieti; ninie wsedni ti na rucie konie, proletni
lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam s cesti skala bogom
zmlena, na icie wrli obietui bohóm, bohóm suim spasam, za wi-
cestuie w zادهch, za uicestuie w prsiedie. Neze sie poznaie, ze
slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze
slunce postupi vterimъ krokem i krokem trsietiem nad wrsini lesne,
doidu voi tamo, kdie obiet tuoie pouicie w slupech dimu: pokorsi
sie wsie voiska, tudi iduce». И Воимиръ перелетѣлъ черезъ лѣса
и дубраву, «na wrsie skali zanieti obiet bohóm suim spasam za
uicestuie wzادهch, za uicestuie wprsedie, im obietoua kraiecu
buimъ». Любопытно тутъ описаніе самаго обряда сожженія жертвы:
«Plapolase obiet i blizise sie uoi k uualu, iz uuala wzhoru w dubrawu.
Uoi ozuucieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida
kol obieti, bohóm slauu hlasase, i zachazeie zezwucie ne meskase,
i kehdi dochazese posleda uoiw, wskoci Voimir na suoi ruci
komon»¹. Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то
можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жерт-
вахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти
жертвоприношенія были общенародныя, и что, наконецъ, они
были совершаемы нешкольбою, но не жрецами, если только
князья не имѣли по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы
были въ обычаѣ и у другихъ Славянъ, но крайней мѣрѣ у тѣхъ,
которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна» видимо про-
исходяція отъ «жрѣти»—сжигать². Жертвы сожженія сопровож-

¹ *Брагедвор. рпсѣ*. IV, 22, 123—124, 135—136, 143—152, 155—157, 164—170. Въ Чеш. жертва называется obět' (*Вацерадъ*. 219. *Юнгманъ*. II. 761), какъ что обѣщанное: о жертвахъ но обѣщанію упоминаютъ многіе современники.

² Они употребительны у многихъ Славянъ: *жертва* (жрѣтва) почти у всехъ югозападныхъ (известно было и *Вацераду*. 231); *жаризна*—у Польковъ (*żarzyna*) и Словаковъ. Сравн. *жаровище* по *Вацераду*—рѣка, гогунъ. 230). *Жрѣти* одного корня съ *горѣти*, по обычному смягченію з въ жс (гонѣ-жить; горло-жерло: горы-жары (Словац.), *gallus* (Лат.), *gelb* (Нѣм.)—желтый; *glaus*, *glandis* (Лат.)—желудь; *galle* (Нѣм.)—жель; *ganne* (Лит.)—жена и пр.

дали иногда погребальный обрядъ. Не подобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженіе коней вмѣстѣ съ трупами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; но то, что рассказываетъ Ибнъ-Фоцланъ о сожженіи вмѣстѣ съ мертвымъ уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, гѣтуха и курицы и еще одной курицы, у которой оторвали прежде голову, едва-ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и не лзя понять значеніе и цѣль обряда¹.

Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожаху сыны своя и дѣщері—говоритъ Несторъ—и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и оскверниша кровью землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закаляли и людей: иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не называлъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ яснѣе: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, взял землю ихъ, и иде Кіеву, и творяще потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ жребии на отрока и дѣвнцю, на кого-же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Блише Варегъ единъ—держаше вѣру хрестыанську, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребии... Рѣша пришедше посланни къ нему, яко паде жребии на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо... не дамъ сына своего бѣсомъ. Они-же шедше повѣдаша людямъ; они-же взяли оружье, поидоша на нѣ, и розъяша дворъ около его; онъ-же стояше на сѣняхъ съ сыномъ своимъ... И поѣхаша сѣни подъ шма, и такъ побѣдѣша я»². Митрополитъ Иларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не

¹ Ибнъ-Фоцланъ. 15, 17.

² Несторъ, 35.

заколаемъ бѣсомъ другъ друга»¹. Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносились — по его словамъ — люди, взятые въ плѣны на войнѣ². Объ обычаяхъ приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говоритъ Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали утишать гнѣвъ боговъ³. То-же говоритъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили христіанъ въ надеждѣ, что такими возношеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть принесенъ въ жертву. Святовиду приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ⁴. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы рассказываютъ и нѣсколько случаевъ приношенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ вмѣстѣ со многими другими и пресвитеромъ Эннономъ; такъ и епископъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣны, былъ битъ палками, потомъ возмъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отрекшись отъ Христіанства, въ Ретрѣ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту, какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены — священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ раззоренія Мельдорпа⁵. — Изъ всего этого видимъ, что въ жертву приносили такихъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, на пр. плѣнныхъ и христіанъ, — что впрочемъ жребію болѣею частью рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношъ и дѣвицъ. Такое жертвоприношеніе не могло не соединяться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносима

¹ *Иммаріонъ*, ib. 235.

² *Длугошъ*. V, 9.

³ *Титмаръ*, VI, 17.

⁴ *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12. *Анонима Chr. slav.* ib. 211.

⁵ *Гельмольдъ*. I, 22. II, 12. *Адамъ Брем.* IV, 12, 167. Срав. *Гельмольдъ*, I, 23. *Петерсенъ*, *De Dansker toge til Venden*. II. 3. въ *Annaler for Nordisk oldkyndighed*. Kiöbenhavn. 1838. 11.

была иногда только голова человека¹. Замѣтимъ еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ, и украшали религіозныя торжества послѣ войны или битвы. На это не лѣзя не обратить вниманія: смерть человека одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіею Славянской вызывала смерть другого чѣловѣка или и многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человека умершаго лишили также людей жизни. Источникъ того и другого обычая долженъ быть одинъ и тотъ-же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго, — столько-же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ боязнію соединялась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умиловать очищеніемъ, и это очищеніе вѣра ихъ находила въ гибели животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія рассказываетъ Левъ Діаконъ: «Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задунили»². Если можно повѣрить, что была жертва очищенія, жертва задунная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя; то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибнъ-Фоцланъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говоритъ онъ — то его родные спрашивали у дѣвушекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подастъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отстуниться. По большей части это дѣлали дѣвушки. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные столы, съ челоѡкообразными фигурами, такъ что лодку танцли на бревна

¹ Бернгарди, Bausteine zur slaw. Mith. II. Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

² Левъ Діаконъ. IX. 6.

мимо ихъ. На лодку ставили мары,¹ для того чтобы на нихъ одѣвать мертваго. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатеръ, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ яствами и штіями. За тѣмъ слѣдовало принесеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наконецъ раздѣвали, вводили въ шатеръ, и тамъ умерщвляли—задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый клалъ на костеръ по пылающему полену. Костеръ разгорался,—и ладья съ шатромъ, покойникомъ, дѣвушкой, со всѣмъ что было въ ладьѣ, сгарала². И всегда у Славянъ погребальный обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если не кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы³. Для погибавшаго была надежда, что опъ этимъ пожертвованіемъ отрывалъ себѣ дорогу въ рай; такая-же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминковъ по душѣ покойнаго, веселья пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какого нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карнатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, баранка и т. п. Все это было для язычниковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени принесеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, напр. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; но не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безправственный. Не лзя предположить себѣ ни для какого народа никакого безправственнаго обычая, который-бы не оправдывался въ немъ причиною, хотя и ложно, сумазбродно понятой, но все таки правственной, согласной съ правилами народноі правственности.

¹ Пѣтъ-Фоуланъ. 11—21.

² Маврикій. XI, 5. Титмаръ. VIII, 2. Масъди. 317 и пр.

IV.

ГАДАНИЯ—ЖРЕБИЕМЪ И ПРОРЦАНІЯМИ ЖРЕЦОВЪ. ЗНАЧЕНІЕ ЗАДАНИЙ.

Гаданія составляли столь-же необходимую принадлежность богослуженія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимостью своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человека раскрывали ему будущее. Множество преданій дошло до насъ о древнихъ языческихъ гаданіяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстныя роды гаданій принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться непрерывно, даже и послѣ паденія язычества, хоть и совершенно въ его духѣ; религія-же освящала очень немногіе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ.—Гадая о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество—во-первыхъ, о томъ, быть-ли чему или не быть, дѣлать-ли ему что или не дѣлать,—во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень несложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ братче, неопредѣленнѣе выражался, тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненіи отъ воли объяснявшаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребию¹. Распро-

¹ Слово *Жрѣбии* (жеребей, ждријеби, ждриб и т. д.) собственно значить осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслѣ части, удела, и т. п. Сравни. *Шимкевича*. Корнесловъ. I. 82. *Добровскаго* Грамм. Слав. I. 167.

страшное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрій. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребію рассказываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженія въ храмѣ Ретрекомъ. Жрецы сидѣли, и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгадывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дерпомъ¹. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ дѣвушекъ, называемую «лапки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ двѣ заячьи лапки; потомъ ищутъ этихъ лапокъ, — кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданья упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руны гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сидя у очага и черти безъ счету по пеплу случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастье, если же печетъ, то бѣду². Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинянъ, какъ знаемъ изъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго: они гадали по деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — но введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ жизни Краледворскои рукописи о битвахъ съ Татарами: *i na dli trest crnu polozichu, i iu na duie polie rozsepichu, pruci pole Kublai imie wzdiechu, vterej polie krali imie wzdiechu, vetchimi slovesi nad sim wzpiechu. Pocihu trsti spolu voienati, i trest kublaicua swicezise*³. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохраняется вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что зола есть символъ зла⁴. Къ этого-же роду гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чапцѣ или рогу: объ

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 827 — 828.

³ Краледвор. рмсъ. III. 54 — 60.

⁴ Сахарова, ib. II, 14.

отгадывающіи урожай на слѣдующіи годъ по убыли и неубыли вина въ рогахъ Святовида рассказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чанахъ въ континахъ Штетинскихъ пишетъ Сефридъ¹. Подобнаго роду были гаданья водою на рѣшетѣ, въ чанѣ и пр: они сохранились у Русскихъ, и были въ старое время у Поляковъ². Были такого роду религіозныя гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаетъ Прокопій, — и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе вмѣстѣ съ уваженіемъ, какое питаютъ кудесники къ печени, къ дыму, къ куреньямъ³. — Къ гаданьямъ по жребію должно причислить и гаданья конями. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ: — «Выводили коня, который былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣніемъ покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острія двухъ коній, перекнутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ-бы вдохновеннаго коня, о томъ-же, что хотѣли узнать посредствомъ жребіевъ. Если и въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то-же, то загаданное должно было исполниться; если же нѣтъ, то печальный народъ совершенно оставлялъ свое предпріятіе⁴. Иначе совершалось это гаданье въ Арконѣ конемъ Святовида, какъ узнаемъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою-нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконечниками коня, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ отъ другаго разстояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ чрезъ коня прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою прежде нежели правою, то задуманное предположеніе измѣнялось. Равно и морскою

¹ Саксо грам. 824. Сефридъ. 105.

² Сахаровъ. II, 65, 68, 69. Вишневскій, Hist. Lit. Pol. I, 274—275.

³ Прокопій. III, 14. Сахаровъ. II, 10, 13.

⁴ Титмаръ. VI, 17. Вышеку изъ Chronica August. см. у Гримма, Deut. Myth. II. 628.

походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сряду предсказывалась удача»¹. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычаѣ у Штетинянъ: — «Если Штетиняне замыслили сухонутный походъ противъ непріятелей или какой набѣздъ, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ: — клали на земь девять коній на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣдлавши и взнуздавши его, велъ за узду черезъ лежація копы три раза взадъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкаясь и не трогая коній, то это считалось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начинаемъ; если-же конь трогалъ копы ногою, то походъ былъ отлагаетъ»². Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычаи и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ-же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверо-западныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и были обычаи гаданья конемъ; есть напротивъ слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Морошкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычаѣ гаданья конемъ во время святочныхъ гаданій³. Русскія дѣвушки, гадаю о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь; — и если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или за жердь ногою, то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; если-же перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смирный, и житье счастливое. Садятся также на лошадь, и завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня⁴. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію были, вѣроятно,

¹ Саксо грам. 826—827.

² Сефридъ. 107.

³ Морошкинъ въ переводѣ Рейца, Истор. Рос. Закон. 1836. 352. Сахаровъ, II, 67 Снегиревъ, Рус. празд. II, 43 и 49. Сравни. слова жербии и жербийцъ (ср. Jahrbücher für Slaw. Lit. 1843 390).

⁴ «О книгахъ истин. и лож.» у Калитовича, Иоаннъ Экз. Болг. 211.

и многія другія, судя потому, что въ суевѣріяхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всё осталось они отъ временъ язычества, но все-же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавать не по какому-нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они впрочемъ были въ употребленіи у Славянъ. Это видно уже изъ того что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ приносилъ жертву, пилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая-нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребій, если только это знаніе не было общимъ для всего народа, — или участіе при совершеніи обряда для большей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь напротивъ, нуждаясь въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно, или не поняты совсѣмъ, следовательно не по жребію. Кромѣ этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славенъ настройками, сдѣланными въ его куполѣ для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ вставленными, знаками тамъ начертанными и обозначающими будущее, пророчества предсказанія этими камнями прежде, чѣмъ они случались¹. Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланнтамъ (планетамъ) глядятъ», — и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ рассказываетъ, какъ волхвы предсказали смерть Олегу: — «Призва Олѣгъ волхвы свои и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша: смерть

¹ Гельмольдъ, I, 52. Сравни. у Платерона «жертвенныя крове вкушающе погнбасмъ». ib. 236.

² Масуди. 320.

твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.»¹ Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говоритъ и Козьма Пражскій: такъ говоритъ онъ, что Любуна была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была правительницею; она предсказала и будущее величіе Праги; такъ онъ говоритъ и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращались съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятели, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ². Не лзя здѣсь забыть и повѣрья, что кукушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и по время языческое имѣло чисто религіозный смыслъ какъ знаемъ изъ хроникъ Прокоша, который упоминая о немъ, прибавляетъ, что по понятію язычниковъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива³. Правда, что ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не говоритъ о предсказаніяхъ, какъ о религіозномъ обрядѣ; но изъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно,—и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, казаться натянутымъ. Для того-же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неимѣніемъ свидѣтельствъ современныхъ, обратить вниманіе на приемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперь невозможно, потому что мало еще свидѣній собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, не лзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ онѣ употреблялись, что имъ рѣшалось. Разсматривая свидѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія.

¹ Повгор. Лѣт. М. 1781. 9.

² Козьма Пражск. 11, 20, 27.

³ Прокошъ. 113.

Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицанія заставляла Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрекаго и Святовита Арконскаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считали зависящими и народъ и князя¹. Понятіе о важности гаданія и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянниги по жребію рѣшаютъ спорныя дѣла въ сѣмѣ; въ деревняхъ, на мѣрковой сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, — и старожилы еще помнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Миколы Голстунскаго². О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребіи о дѣвицѣ себѣ любу»³. Выборъ людей во что-нибудь по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ⁴. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій⁵. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребіи имѣли религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухонутныя и морскіе: это видѣли мы въ описаніяхъ гаданья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порфироднаго, Титмара, Нестора и Гельмольда⁶.

¹ Гельмольдъ. I, 21. II, 12.

² Сахаровъ. II, 9—10.

³ Рус. Достоинств. III. 186.

⁴ Снегиревъ, Рус. пословицы. III. 217.

⁵ Мацковский, Hist. prawodawstwa Słow. II. 179—187 Снегиревъ, ib. III. 213—216.

⁶ Гельмольдъ. I, 52. II, 12. Титмаръ. VI, 17. Константинъ Порфиръ 9. Несторъ. 35.

V.

ОБЩИЙ ХОДЪ БОГОСЛУЖЕБНАГО ОБРЯДА. ПРИШЕСТВА И ПЕРИЦА.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обозрѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войдти въ предыдущее изслѣдованіе, — между прочимъ на шпы и пры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ¹. Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое-нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умилостивлять боговъ, на пр. послѣ битвы, послѣ похода, при погребеніи мертвого и т. д. Впрочемъ хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежа къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были религіозныя празднества, — и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобъ видѣть ходъ богослуженія.

Такія празднества должны были быть совершаемы въ опредѣленное время, повторяясь въ тѣ-же дни, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Такъ въ опредѣленное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ Маѣ, праздникъ Святовита Арконскаго осенью послѣ жатвы, и пр.². Очень неумудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ были свои, и

¹ Гельмольдъ. I, 83. Адамъ Брем. IV, 47.

² Гизебрехтъ, ib. I. 85.

что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ праздника жрецъ—говоритъ Гельмольдъ—возвѣщагъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія. Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самаго обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гадашемъ перѣдко опредѣляли, что приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь-же очевидна, если вспомнимъ, что празднества повторялись ежегодно въ опредѣленное время, и что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлить день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя не могли не существовать во время язычества, оставшіеся въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ-бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу,—не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугошъ*. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, что должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались вѣкъ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ,—и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемаго пѣніемъ возношеніями, прорицаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Титмару, Гельмольду и Саксону грамматнику. Не нужно мнѣ считать повторять ихъ; немогу однако не сдѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматика о праздникѣ Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе что въ прежнихъ статьяхъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святовиду совершалось—говоритъ Саксо—такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ хра-

* Гельмольдъ. I, 52.

* Несторъ. 34, 39. Гельмольдъ. I, 52. Длугошъ. V, 9.

момъ, принося жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный ширъ. Жрецъ, за день передъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣшникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ бралъ изъ руки идола рогъ, и если находилъ, что напитокъ въ немъ убыло, то предсказывалъ безплодный годъ, а если напитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ идола, въ воздаяніе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ, и наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирога сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человека... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастью народа, но и обилію слѣдующей жатвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога, и увѣщивалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая какъ вѣрную награду за богопочтаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, оставшая часть дня посвящалась пирушеству, на которомъ потреблялись жертвы, и долгомъ считали объѣдаться, почитая воздержность за стыдъ¹. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи, забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустилъ изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ двухъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычниковъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляетъ предполагать, что если при служеніи Святovidу Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобные, съ

¹ Саксо грам 824—825.

такимъ-же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы поклоненія были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія¹.

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пришества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго². Они совершались у самаго святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмы, въ которыхъ шировали поди болѣе знатныя. Такое назначеніе имѣли три континны, находившіяся при Штеттинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдальца и скамьи, и во время пира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, пожи шир³. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготавлиемы были и собираемы другія яства. Обычаи собиранія яствъ въ общенародныя языческіе праздники уцѣлѣли и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, щедрованьи, и т. п.⁴ Что эти пиры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксона грамматика, замѣтившаго что ширъ, бывавшій во время осенняго торжества Арконскаго, совершался «ишемъ вѣры». По этому-то на нихъ поминали боговъ, или заздравные кубки, о славѣ божіей, о помощи боговъ спасителейъ противъ бога зла, о будущемъ счастьи народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа⁵. Такъ-же ясно говоритъ и Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого ширъ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чаши и тако шют о долѣхъ своихъ⁶». Обычаи пить, какъ выражаются Сербы, «здравнцы» сохранились у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе.⁷— Къ празднованію шировъ принадлежали пѣсни и музыка, какъ

¹ Гельмольдъ. I, 52, 83.

² Гельмольдъ. I, 52 Сесфридъ. 105.

³ Сесфридъ. 105.

⁴ Когда собираютъ яства, хотя отъ дома къ дому.

⁵ Гельмольдъ. I, 52.

⁶ Востокова Опис. р. Рум. М. 228.

⁷ В. С. Караджичъ, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія Берггарди, Jahrbücher für Slaw. Lit. 1843. 337.

это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ вспоминаютъ Христолюбцы въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе¹.

По окончаніи обѣда, начинались игрища, состоявшія въ пляскѣ, переряживаньи, разныхъ представленіяхъ, бояхъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ, важнѣйшія свидѣтельства, которыя сами собою безъ объясненій показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говоритъ Несторъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища².» Игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ тотъ-же Несторъ: дьяволъ льститъ превабля ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслии и русальи: видимъ бо игрища утолчена и людей много множество, яко ушихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви»³. Христолюбцы въ своемъ словѣ увѣщиваютъ, что «не подобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ игратъ, ниже ест плясба, гудба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская»⁴. О тѣхъ-же игрищахъ упоминаетъ Кириллъ Митрополитъ въ правилахъ: «накы же увѣдѣхомъ, бѣсовская еще дѣржанце обычая треклятыхъ Еллинъ въ божественныя праздники позоры пѣкаки бѣсовскыя творити, съ свѣташемъ и съ клнчемъ и вынлемъ съзывающе пѣкы скарѣдныя пѣлнща и быюще дреколѣмъ до самыя смерти и възнимающе отъ убиваемыхъ порты»⁵. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити»⁶. Но языческіе обычаи этимъ не кончились: они вездѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи

¹ Востокова, ib. 229.

² Несторъ. 6.

³ Несторъ. 73.

⁴ Востоковъ. ib. 228.

⁵ Рус. Достопамят. I. 114.

⁶ Арицыбинъ, Повѣствованіе о Россіи. II. 235. Въ Зильской долинь, въ Каринтін, сохраняется отчасти до сихъ поръ странный обычай битъ бочки, какъ принадлежность храмоваго праздника.

къ нагбѣтнику Псковскому, при описаніи Купальскаго праздника, говоритъ и объ играхъ: «Егда не весь градъ возмается и въ селѣхъ возбѣется въ бубны и сопѣли, и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главамъ киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличъ, всѣ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топаніе»¹. Объ обычаяхъ религиозныхъ игръ у Славянъ Польскихъ упоминаетъ Длугошъ: «Въ честь боговъ—говоритъ онъ—введены игры въ определенное время года. На нихъ толпы обоего пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, хлопаньемъ и разными движеніями. И хотъ вотъ уже пятають лѣтъ прошло съ тѣхъ норъ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, но и доселѣ нѣкоторыя изъ этихъ игоръ остались въ обычаяхъ»². Объ играхъ, слѣдовавшихъ за религиозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда³. Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, рассказывая, что Оттонъ, въ своемъ путешествіи близъ Пирнца встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣснями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, изумившимъ путниковъ. Тамъ-же находимъ воспоминаніе о праздествѣ Юлинекомъ въ честь какого-то бога, объ играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества, и т. п.⁴ О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радованками», вспоминаетъ Козьма Пражскій, рассказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ⁵.

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаяхъ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослуж-

¹ Карамзинъ. И. Г. Р. VII. пр. 372.

² Длугошъ. V, 9.

³ Гельмольдъ. I, 52.

⁴ Бертольдъ, Geschichte d. Rügen und Pommern. I, 566. II, 35.

⁵ Козьма Пражскій. 21.

жебнымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношеніями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда воспоминаемы были души павшихъ въ боѣ. Опираясь на вѣрованіи въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ такъ-же весело и разнообразно, какъ и всякое другое религіозное празднество. Иорнандъ рассказываетъ, что «по смерти Атиллы, рыцари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ цркви, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы ширъ, совершаемѣи въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»¹. Слово «страва» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ². Ософилактъ, описывая впаденіе Припека въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ напалъ на князя Мусокія въ расплохъ, въ то время, когда князь этотъ, празднуя поминѣ по своему братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями³. О тризнѣ по усопшимъ у Русскихъ воспоминаетъ Несторъ, говоря между прочимъ, что, совершая «тризну по князѣ своему Малѣ, Древляне шли. Слово «тризна» въ смыслѣ поминовенія усопшихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ, да еще у Вацерада въ его Чешскихъ глоссахъ⁴. Коренной смыслъ этого слова былъ другой: «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнице» — мѣсто боя, а «тризникъ» — подвижникъ; «тризнити» въ Чешскомъ значить бить, а «тризновати» не только бить, но и насмѣхаться; въ Словацкомъ «трузинитися = тризнитися» — веселиться, играть⁵. Соображая все эти значенія, можемъ заключить, что въ старину тризної называлось празднество, соединенное съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно сравнить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад-уюсь), названіе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ памогильной,

¹ Иорнандъ, De Getarum origine et rebus gestis. 49.

² Лінде, Słownik. III. 431—432.

³ Ософилактъ у Стриттера, Мет. пор. II, 61.

⁴ Добровскій, Грам. Слав. I, 158. Вацерадъ. 228

⁵ Несторъ 6, 24, 29: тризна = тризно. Юнгманъ, Słownik. IV. 664.

по и въ играхъ¹. Такъ и въ Бѣлої Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на могиллахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ². У Поляковъ погребальный и поминальный ширъ называется «stupa» (сред. Лат. *stips*): онъ соединяется также съ пѣснями и играми. Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ замѣчаетъ Старовольскій: «Widziałem wiele razy pogrzeby krwi oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym drugiego zabitego do nieba, aby oznajmil, co za ludzie na stypie byli»³. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя—какъ говоритъ Козьма Пражскій—совершались на перекресткахъ, какъ-бы для успокоенія душъ, и игрища надъ мертвыми, во время которыхъ переряжались и всячески бѣснлись⁴. У Хорутанъ до недавняго времени сохранялся обычай шровать надъ мертвымъ, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.⁵.—Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ и общихъ, и совершавшихся по какому-нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то-же вѣрованіе въ благодѣтельность боговъ, ту-же надежду на ихъ милость—и въ жизни и за гробомъ.

¹ Снегиревъ, Рус. праздники. III, 47—54.

² Голембѣвскій, *Lud polski*. 269.

³ Линде. V. 456.

⁴ Козьма Пражскій. 197.

⁵ Вальвазоръ, *Die Ehre des H. Krain* Laibach. 1689. II. 287—394.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ перечнѣ главныхъ положенія, къ которымъ доводитъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современныхъ и преданія о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ-бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противурѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одинъ другого взаимно. Изъ этого можно заключить, что главные основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ-же. Не мудрено, что были и мѣстныя особенности, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главные черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительные догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощію однихъ догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь

извѣстны, не лзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: подобно шипнуть и въ ихъ соотношенія съ частными мнѣями, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи мнѣологии Славянъ и изысканіи объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться не лзя, а изъ того, что уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.

III. Святупищамъ богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и—храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ; храмы—исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что храмы были только изъ тѣхъ земель Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія, и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управленіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Не лзя сомнѣваться, что со временемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, — кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, — какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни сѣмейной, — какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ—славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жерт-

вопринименій выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ, молитвы жертвопринименія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнителями обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шепотомъ; а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсень и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрьяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсень, между которыми таятся и многія молитвы языческаго времени.

Жертвопринименія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, — или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первымъ соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества; со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ грѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли и по содержанію, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвопринименія.

Гаданія, помощію жребія и объясненія божественныхъ прорицаній, замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые посвящены были въ тайну провиданія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣріями, но не состоявшія изъ нихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ современ-

меньшихъ; изъ того-же, что до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣртіи народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода игры — пляской, пѣснями, борьбой, и пр.

VI. Были особенные дни, посвященные богослужебнымъ торжествамъ, каждагодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ Славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.

